

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»

Институт права

(наименование института полностью)

Кафедра «Уголовное право и процесс»

(наименование кафедры полностью)

40.03.01 Юриспруденция

(код и наименование направления подготовки, специальности)

Уголовно-правовой

(направленность (профиль))/специализация)

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

на тему «Мошенничество и его соотношение со смежными составами»

Студент

С.А. Усанов

(И.О. Фамилия)

(личная подпись)

Руководитель

П.А. Кабанов

(И.О. Фамилия)

(личная подпись)

Допустить к защите

Заведующий кафедрой канд. юрид. наук, доцент, С.В. Юношев

(ученая степень, звание, И.О. Фамилия)

(личная

подпись) « _____ » _____ 20 _____ г.

Тольятти 2019

АННОТАЦИЯ

Тема бакалаврской работы «Мошенничество и его соотношение со смежными составами» представляется нам актуальной, не только социальной значимостью, но и острой социальной потребностью в юридическом анализе критериев разграничения мошенничества от смежных составов преступлений.

Цель исследования – провести теоретико-правовой анализ уголовной ответственности за мошенничество по нормам действующего уголовного законодательства РФ и провести соотношение со смежными составами.

Исходя из цели, исследования были выдвинуты следующие задачи исследования: изучить литературу по данному вопросу; проследить историю развития уголовного законодательства об ответственности за мошенничество; рассмотреть уголовно-правовые меры борьбы с мошенничеством в современном уголовном законодательстве; раскрыть проблемы отграничения мошенничества от смежных преступлений; проанализировать отличительные особенности уголовно-правовой характеристики квалифицированных составов мошенничества и смежных составов корыстных преступлений.

Структура работы представлена введением, тремя главами, заключением и списком используемой литературы. В первой главе дается уголовно-правовая характеристика мошенничества: исторические тенденции и современные реалии. Во второй главе представлены проблемы отграничения мошенничества от смежных преступлений. В третьей главе исследованы отличительные особенности уголовно-правовой характеристики квалифицированных составов мошенничества и смежных составов корыстных преступлений. В заключении приведены краткие выводы по теме исследования. Библиографический список включает 47 наименований, объем работы 70 страниц.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	4
1. Уголовно-правовая характеристика мошенничества: исторические тенденции и современные реалии	7
1.1. История развитие уголовного законодательства об ответственности за мошенничество	7
1.2. Уголовно-правовые меры борьбы с мошенничеством в современном уголовном законодательстве	22
2. Проблемы отграничения мошенничества от смежных преступлений	30
2.1. Отграничение мошенничества от смежных преступлений против собственности	30
2.2. Отграничение мошенничества от некоторых преступлений в сфере экономической деятельности	36
3. Отличительные особенности уголовно-правовой характеристики квалифицированных составов мошенничества и смежных составов корыстных преступлений	48
Заключение	62
Список используемых источников.....	66

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы определяется не только социальной значимостью, но и острой социальной потребностью в юридическом анализе критериев разграничения мошенничества от смежных составов преступлений.

Мошенничество – так называемое традиционное имущественное преступление. Вместе с тем оно как никакой другой вид преступлений отличается динамизмом форм. Расширение сферы жизнедеятельности общества в свете новых социально-экономических условий в России повлекло за собой появление нетрадиционных форм мошенничества, что потребовало их осмысления и совершенствования правоприменительной практики, так как часть этих преступлений ошибочно оценивается как гражданско-правовые деликты и остается за рамками уголовно-правового регулирования. Несмотря на кажущуюся «простоту» состава преступления, споры, возникающие в судебно-следственной практике при отграничении мошенничества от иных правонарушений, не прекратились. Причиной этих споров является, прежде всего, несовершенство нормы об ответственности за мошенничество, содержащейся в ст. 159 УК РФ.

Суть разногласий - неодинаковая степень общественной опасности мошенничества, представляющего собой хищение чужого имущества, и мошенничества, выражающегося в приобретении права на чужое имущество. Первому свойственна существенно более высокая степень общественной опасности, так как имущество навсегда выходит из обладания собственника (разумеется, исключая случаи его возвращения в результате раскрытия преступления и изобличения виновных) и ущерб причиняется уже самим фактом обращения имущества в пользу виновного или других лиц, которые ставят себя на место собственника.

Причем указанное обращение осуществляется в результате не изъятия имущества против или помимо воли собственника или владельца, а в результате добровольной передачи такого имущества самим собственником

виновному. Такая передача вызвана заблуждением вследствие обмана либо злоупотребления доверием.

Во втором случае собственник или иной владелец имущества утрачивает лишь право на имущество, то есть юридическую оболочку отношения к имуществу, которым он продолжает фактически владеть или фактическое владение которым он утратил по другим обстоятельствам, не связанным с действиями виновного. Вместе с тем, утратив лишь право на имущество, его собственник или иной владелец имеют возможность обратиться в органы власти, в частности, в правоохранительные органы, и восстановить свое право на имущество. Различная степень общественной опасности названных разновидностей мошенничества вызывает необходимость применения к виновному в каждой из них неодинаковых по строгости мер наказания.

По своей социально-правовой природе мошенничество относится к числу наиболее «спорных» разновидностей имущественных правонарушений. Юридическая конструкция мошенничества является продуктом капиталистического (буржуазного) права и отражающих им экономических отношений, основой которых выступает глубокое общественное разделение труда, господство обмена, частной собственности и капитала. В сравнении с нормами о других имущественных преступлениях нормы о мошенничестве — плод более развитого экономического строя и правового сознания. В этом смысле собственность — более ранний социально-правовой институт, чем мошенничество. Последнее в тесном смысле слова появляется на более поздних этапах развития собственности. Для мошенничества характерен объект в виде совершенных форм собственности — рыночной, акционерной, корпоративной. Видимо не случайно, что в истории отечественного права ранние памятники не упоминали о мошенничестве.

В течение длительного времени юридическая конструкция «мошенничества» выкристаллизовывалась. Она продолжает

совершенствоваться и сегодня для более точного обозначения тех корыстных имущественных посягательств, которые совершаются в сфере экономического оборота и состоят в склонении жертв к безвозмездной передаче имущественных благ и ценностей другим лицам¹. Согласно статистике регистрируемое мошенничество в России XXI века возросло в 3 раза.

Изучению проблем мошенничества в научной юридической литературе посвящены работы А.Г. Безверхова, А.А. Бакрадзе, Г. Борзенкова, Д. Гарбатович, В.В. Константинова, В.Д. Ларичева, В.Н. Лимонова, А. Мельникова В.В. Улейчик В.В. и др.

Цель выпускной квалификационной работы - провести теоретико-правовой анализ уголовной ответственности за мошенничество по нормам действующего уголовного законодательства РФ и провести соотношение со смежными составами.

Для реализации поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

- изучить литературу по данному вопросу;
- проследить историю развития уголовного законодательства об ответственности за мошенничество;
- рассмотреть уголовно-правовые меры борьбы с мошенничеством в современном уголовном законодательстве;
- раскрыть проблемы отграничения мошенничества от смежных преступлений;
- проанализировать отличительные особенности уголовно-правовой характеристики квалифицированных составов мошенничества и смежных составов корыстных преступлений.

¹ Безверхов А.Г. Современные проблемы противодействия мошенничеству: уголовно-политический и правовой аспекты: Материалы VII международной научно-практической конференции «Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики» // Актуальные проблемы юридической науки. Часть II. – Тольятти: Волжский университет им. В.Н. Татищева, 2010. - С. 37.

1. УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА МОШЕННИЧЕСТВА: ИСТОРИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ И СОВРЕМЕННЫЕ РЕАЛИИ

1.1. История развитие уголовного законодательства об ответственности за мошенничество

Мошенничество как один из видов хищения известно российскому законодательству достаточно давно. Нормы о мошенничестве впервые закрепил Судебник Ивана Грозного, понятия «вор», «мошенник» и «обманщик» в нем отождествлялись. Способом совершения данного преступления выступал обман, поэтому царь призывал каждое лицо охранять свои интересы от обманов самостоятельно и за свою неосмотрительность винить себя. Обман в этом деянии выступал лишь способом совершения кражи (татьбы), т. е. мошенничество было ловкой, но мелкой кражей, за которую наказывали битьем кнутом.

В историческом развитии мошенничество, начиная со второй половины XVI в. и до XIX в., рассматривалось в России как разновидность кражи или иных форм хищений и было соединено с корыстным изъятием чужого имущества путем обмана со стороны виновного.

В 1786 г. вышел Манифест об учреждении Государственного заемного банка, который установил наказание для лиц, совершавших обман или подлог при заключении договора о займе в банке, однако называлось данное деяние фальшивомонетничеством. Манифест об учреждении при Государственном заемном банке Страховой экспедиции того же года признавал в качестве преступления умышленное уничтожение застрахованного имущества.

В Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. в ст. 1665 закреплено понятие мошенничества, под которым подразумевалось любое совершенное с помощью обмана хищение чужих денег, вещей,

имущества. Такое пространное определение мошенничества включало в себя и отношения в сфере кредитования и выдачи займов.

Еще во второй половине XIX века при подготовке проекта Уголовного уложения 1903 года судебной практикой указывалось на непригодность для характеристики мошенничества термина «похищение» и на необходимость законного определения понятия обмана как способа мошенничества. «Если определения юридических понятий вообще более нужны в науке, чем на практике, то они все-таки необходимы там, где дело идет о проступках неудобно определяемых, каким является именно обман» [17, с. 211].

Однако Уголовным уложением 1903 года эти недостатки не устранялись, что отмечалось известными правоведами И.Я. Фойницким, Л.С. Белогриц-Котляревским, Д.А. Червонецким, М. Шаргородским и др. Эти замечания не остались без внимания при подготовке Уголовного кодекса РСФСР 1922 года. Так, ст. 187 устанавливала, что мошенничество — это «получение с корыстной целью имущества или права на имущество посредством злоупотребления доверием или обмана» [17, с. 211].

Таким образом, впервые в отечественное уголовное законодательство было введено единое общее понятие мошенничества, термин «похищение» был заменен на термин «получение», что больше соответствовало самому механизму совершения мошенничества (когда имущество или право на него передается мошеннику обладателем имущества, введенным в заблуждение, внешне добровольно). Кроме того, в примечании к ст. 187 впервые приводилось законодательное определение обмана. Обманом считалось «как сообщение ложных сведений, так и заведомое сокрытие обстоятельств, сообщение которых было обязательно», т. е. это определение включало в себя и активную, и пассивную формы обмана, не устанавливая каких-либо ограничений относительно содержания обмана и способов его выражения.

Следует отметить, что позднее определение обмана в уголовные кодексы РСФСР не включалось. В теории считается, что данная дефиниция не утратила своего теоретического значения и до сих пор является той

основой, на которой базируются выводимые современными исследователями определения.

Например, Г.Н. Борзенков, в целом признавая значимость приведенной выше формулировки, считал необходимыми некоторые уточнения: «активную форму обмана целесообразнее было бы охарактеризовать как "искажение истины", так как это выражение более полное, чем "сообщение ложных сведений", которое предполагает лишь словесную форму обмана, в то время как обман может совершаться путем различных действий» [5, с. 216].

Что касается общего понятия мошенничества, то принципиальной теоретической критике оно не подвергалось, однако некоторые ученые предпринимали попытки его совершенствования. Так, проанализировав сущность мошенничества, М. Шаргородский предложил следующую формулировку: «Мошенничеством называется такое повреждение чужих имущественных прав с целью увеличения своих или третьего лица прав, которое является результатом обмана» [17, с. 211].

Из сказанного можно заключить, что понятие мошенничества в послереволюционный период подверглось значительной трансформации. С одной стороны, при формулировке ст. 187 в УК РСФСР 1922 года были приняты во внимание замечания известных юристов, что, казалось бы, привело развитие законодательства о мошенничестве к его логическому завершению. С другой стороны, в определение мошенничества был введен новый дополнительный способ его совершения — злоупотребление доверием, по мнению ряда юристов, «соединение которого с мошенничеством в одну статью вряд ли можно считать удачным» [17, с. 211].

Действительно, в праве дореволюционной России злоупотребление доверием представляло собой самостоятельный вид преступления — «умышленное причинение вреда чужому имущественному интересу, охрана которого лежала на виновном, посредством заведомо несогласных с существом установленной обязанности распоряжений о чужом имуществе

или вообще превратного пользования правами, из такой обязанности вытекающими» [17, с. 211]. А в комментарии к ст. 187 УК РСФСР 1922 года М.Н. Гернет и А.Н. Трайнин указали, что «злоупотребление доверием будет там, где кто-нибудь, действуя на основании формальной доверенности или неформального или устного поручения, умышленно причиняет имущественный вред своему доверителю. Безразлично, действовал ли он за плату или бесплатно» [17, с. 211].

Так как под мошенничеством М.Н. Гернет и А.Н. Трайнин понимают «обманное приобретение чужого имущества или права на имущество... которое передается мошеннику по доброй воле обладателя этого имущества»⁵, а, определяя смысл термина «злоупотребление доверием», они имеют в виду не приобретение чужого имущества, а лишь имущественный вред, можно предположить, что трактовка анализируемого понятия осуществлялась в рамках представлений, традиционных для русского права дореволюционного периода, когда умышленное причинение имущественного вреда при действиях на основании доверенности или особых полномочий рассматривалось как самостоятельное преступление.

Таким образом, поскольку злоупотребление доверием в УК РСФСР 1922 года трактуется так же, как и в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года, можно заключить, что понятие «мошенничество» действительно объединило два различных преступных деяния, четко разграничиваемых дореволюционным правом.

В то же время есть основания предполагать, что это не совсем так, хотя рассмотренная точка зрения, по-видимому, доминировала в уголовно-правовой науке в то время. В некоторых работах, посвященных проблемам мошенничества (например, в трудах А.А. Жижиленко, исследовавшего эти проблемы как в дореволюционный, так и в послереволюционный период), был продемонстрирован иной подход, суть которого сводилась к более широкой интерпретации термина «злоупотребление доверием», к попытке

приведения его к понятию, не противоречащему традиционному для русского права пониманию мошенничества.

Поскольку многими российскими юристами разделялась точка зрения на то, что обман может относиться только к обстоятельствам или фактам настоящего или прошлого (так как будущее находится вне сферы познания), и, исходя из этого обстоятельства, лживые обещания и заверения в намерениях из сферы обмана выводились, именно обманы относительно событий будущего (т. е. то, что ранее относилось лишь к области «гадательного»), по мысли законодателя, должно было включать понятие «злоупотребление доверием». Иными словами, под злоупотреблением доверием следовало понимать то, что не входило в сферу обмана в его дореволюционной трактовке.

Это предположение подтверждается тем, что многие советские юристы говорили о недопустимости узкой трактовки понятия «злоупотребление доверием», т. е. понимания этого термина только как причинение имущественного вреда при действии на основании доверенности. Например, А.А. Жижиленко обращал внимание на то, что необходимо различать «злоупотребление доверием как способ совершения мошенничества от злоупотребления доверием, конструируемого в качестве особого преступления», так как «в последнем случае оно характеризуется как причинение имущественного ущерба лицом, обязанным заботиться о чужом имуществе или имущественном интересе, тогда как мошенничество есть приобретение имущества посредством обмана». Отмечая, что в основе доверия могут лежать как особые юридические отношения, так и чисто фактические, к последним А.А. Жижиленко относил доверительные отношения, установленные с помощью особых приемов, заключающихся в «такой деятельности, которая очень близко подходит к обману как таковому, являясь до известной степени его разновидностью, но не сливаясь окончательно с ним» [17, с. 211].

Таким образом, уже в 20-е годы XX века, т. е. после принятия первого Уголовного кодекса послереволюционного государства, в теории уголовного права обозначились две позиции, расходившиеся в трактовке понятия «злоупотребление доверием».

Следует также отметить, что отсутствие специальной статьи о злоупотреблении доверием и совмещение этого деяния с мошенничеством является характерной чертой советского уголовного законодательства, не имеющей аналога ни в теории, ни в законе других стран. Именно поэтому введение в уголовное законодательство дополнительного способа совершения мошенничества (из-за отсутствия его законодательного определения) привело к различным его трактовкам и до настоящего времени вызывает научные дискуссии. Кроме того, в соответствии с требованиями ст. 187 УК РСФСР 1922 года, чтобы деяние было квалифицировано как мошенничество, необходимо наличие определенной цели — корыстной.

По этому поводу А.А. Жижиленко пишет: «Корыстная цель есть цель личной наживы; поэтому если кто-нибудь приобретает чужое имущество посредством обмана не с корыстной целью, а с иной, он не совершает мошенничества (например, если кто-нибудь посредством обмана выманивает у другого ценную редкую вещь, чтобы непосредственно пополнить ею коллекцию музея)» [10].

Можно предположить, что для того, у кого эта вещь была изъята, нет никакой разницы, где будет находиться эта вещь — в музее или в частной коллекции, поскольку его права нарушены, его собственность стала объектом посягательства. Мошенничество остается мошенничеством даже в том случае, если полученное в результате обмана имущество передается в музейные или библиотечные фонды либо просто передается в качестве подарка любителям редких вещей. УК РСФСР 1922 года, говоря об имуществе как объекте посягательства при мошенничестве, не указывает, что это имущество должно быть для виновного чужим. В связи с этим А.А. Жижиленко отмечает: «Мошенничество будет и в том случае, если

преступная деятельность виновного направляется против его собственного имущества, коль скоро данным посягательством нарушаются какие-нибудь права третьих лиц, ограничивающие права собственника этого имущества» [11] (например, получение посредством обмана собственного заложенного имущества).

Таким образом, по УК РСФСР 1922 года имущество лица может быть предметом мошенничества в том случае, если третьи лица имеют на него какие-либо права имущественного характера. Следует отметить, что в советский период само понятие собственности претерпело значительные изменения, что послужило причиной введения в УК РСФСР 1922 года статьи, предусматривающей более суровые санкции за мошенничество, имевшее своим последствием убыток, причиненный государственному или общественному учреждению (ст. 188).

Особые виды мошенничества были предусмотрены в ст. 190 УК РСФСР 1922 года (фальсификация, т. е. обманное изменение с корыстной целью вида или свойства предметов, предназначенных для сбыта или общественного употребления, а равно самый сбыт этих предметов); ст. 190-б УК (сбыт изделий и слитков из металлов с заведомо поддельными или несоответствующими содержанию в них благородного металла, клеймами; введена в 1923 году); ст. 192 УК (сбыт заведомо негодного семенного материала). Поскольку за совершение особых видов мошенничества предусматривались более суровые санкции (длительные сроки лишения свободы, конфискация фальсифицированных предметов, запрет заниматься торговлей), выделение их из общего состава мошенничества представляется вполне оправданным.

В УК РСФСР 1922 года указывается еще один особый вид мошенничества, отражающий социально-политическую реальность того времени, — мародерство — противозаконное отобрание при боевой обстановке у гражданского населения принадлежащего последнему имущества с употреблением угрозы военным оружием и под предлогом

необходимости сего отображения для военных целей, а также снятие с корыстной целью с убитых и раненых находящихся у них вещей (ст. 214). Наказание — вплоть до высшей меры с конфискацией. Нельзя оставить без внимания и то, что УК РСФСР 1922 года предусматривал ответственность за совершение обманных действий с целью возбуждения суеверия в массах населения, а также с целью извлечения таким путем каких-либо выгод (ст. 120). Извлекаемые таким образом выгоды (например, инсценировка какого-либо чуда, снятия порчи и т. п.), как правило, могут быть имущественными, и такого рода деяния, по мнению А.А. Жижиленко, могут рассматриваться как приготовление к мошенничеству[12]. Но обманные действия сами по себе не являются наказуемыми, так как не существует права на истину, поэтому законом охраняются только права, нарушенные в результате обманных действий. На наш взгляд, возбуждение суеверия с целью извлечения каких-либо выгод (в том случае, если выгода была получена) может рассматриваться как обман (включающий в себя обман словесный и обман действием). Иными словами, состав ст. 120 представляет собой состав ст. 187, осложненный дополнительным признаком. Таким образом, в УК РСФСР 1922 года было введено общее понятие мошенничества, термин «похищение» был заменен на термин «получение», впервые приводилось законодательное определение обмана, кроме того, безусловно позитивным было введение ст. 120, предусматривающей ответственность за возбуждение суеверий с целью облегчить процесс введения потерпевших в заблуждение и обеспечить внешне добровольную передачу имущества.

Включение в кодекс особых видов мошенничества диктовалось требованиями эпохи. В то же время включение в ст. 187 дополнительного способа совершения мошенничества (злоупотребление доверием), отсутствие указания на то, что имущество должно быть чужим, а также указание на необходимость наличия определенной цели (корыстной) породили многообразие теоретических трактовок и в некоторых случаях могли затруднять квалификацию деяния.

Таким образом, нами были рассмотрены особенности законодательного оформления мошенничества в УК РСФСР 1922 года. Сформулированное общее понятие мошенничества, введение законодательного определения обмана способствовало более четкой квалификации мошеннических деяний. Однако введение дополнительного способа совершения мошенничества (злоупотребление доверием), а также указание на необходимость наличия корыстной цели породило многообразие теоретических трактовок, а в ряде случаев затрудняло квалификацию содеянного.

Еще в 1925 году А.А. Жижиленко писал: «В области каких сделок, дозволенных или недозволенных законом, происходит обман, для понятия его безразлично. Важно лишь, чтобы налицо было искажение фактов с целью введения другого в заблуждение. Поэтому можно говорить о мошенничестве и тогда, когда обман имеет место при совершении сделки, которая запрещена законом или даже преступна. Так, мошенничеством надо признать шулерство, даже если существует запрет азартных игр... и продажу каких-нибудь предметов под видом запрещенных. Здесь имеется приобретение имущества посредством обмана в такой же мере, как и там, где налицо вполне дозволенная сделка». Действительно, с точки зрения УК РФ эти деяния подходят под общее понятие мошенничества. Но подобные предположения имеют и всегда имели только теоретическое значение. Так, в правоприменительной практике 1920-х годов этот вопрос решался радикально, без оглядки на уголовное законодательство.

Например, в кассационном определении Московского губсуда 1923 года по делу № 1784 указывалось, что «советское законодательство и не думает защищать право игрока, получившего паразитическим способом некоторое имущество» [12, с. 127].

Приведенная точка зрения небеспочвенна. В Уголовном уложении 1903 года был предусмотрен особый вид мошенничества — сбыт предмета под видом запрещенного уголовным законом к обращению или под видом

добытого преступным деянием (ст. 592). В УК РФ такого рода сделки не предусмотрены.

Позицию А.А. Жижиленко признавал теоретически верной Г.Н. Борзенков, отмечавший, что «ложное обещание при мошенничестве может касаться самых разнообразных обстоятельств. Мошенники нередко обещают совершить в интересах своей жертвы преступные действия (спекуляцию, коммерческое посредничество, посредничество во взяточничестве и т. д.). Содержанием ложного обещания могут быть и действия, хотя и не преступные, но осуждаемые моралью (оказать протекцию, вступить за вознаграждение в половую связь и т. д.). Во всех подобных случаях неправомерность или аморальность действий, которые субъект ложно обещает совершить, не имеет значения для квалификации содеянного как мошенничества, если обман был направлен на завладение имуществом потерпевшего. Виновный в обмане подвергается репрессии не за уклонение от выполнения обещания, а за использование обмана в качестве способа завладения имуществом жертвы».

Содержавшаяся в УК РСФСР 1922 года формулировка понятия «обман» из УК РСФСР 1926 года была исключена. Поэтому в 1930— 50-х годах в уголовно-правовой теории многие исследователи, исходя из интересов судебной практики и в целях выработки единообразного подхода, работали над обоснованием содержательного аспекта мошеннического обмана.

М.М. Исаев, анализируя упраздненное в УК РСФСР, но сохраненное в кодексах некоторых союзных республик понятие обмана, писал о том, что «обманом является ложное утверждение о существовании определенных обстоятельств», относя к обстоятельствам факты прошлого или настоящего; ложное утверждение о фактах состоит в том, «что они существовали или существуют, тогда как их не было или нет в действительности» [9, с. 236]. Эту формулировку нельзя признать удачной, так как в содержание обмана включается только ложное утверждение (так называемая полная ложь), в то

время как искажение фактов (так называемая полуправда) формально за рамки мошеннического обмана выводится.

По поводу ложных обещаний и заверений М.М. Исаев отмечает, что наказуемость такого рода деяний возможна только в том случае, если в подтверждение этих ложных обещаний были представлены ложные утверждения (например, занимающий деньги в долг без намерения их вернуть сообщает ложные сведения о размерах своего заработка). Следует отметить, что М.М. Исаев, в принципе не отрицая возможности уголовной наказуемости ложных обещаний, обращает внимание только на внешние обстоятельства обмана, не учитывая так называемых внутренних обстоятельств. Это тем не менее не означает, что М.М. Исаев полностью игнорировал влияние внутренних обстоятельств на осуществление замысла мошенника: данную группу факторов он относил к злоупотреблению доверием.

Несмотря на то что обман М.М. Исаев связывал с ложными утверждениями о фактах, к ложным утверждениям он не относил только высказывания, т. е. допускал обман и словом, и действием, и посредством создания соответствующей обстановки.

Другие исследователи, например Г.А. Кригер, писали, что «мошеннический обман представляет собой умышленное искажение или сокрытие истины с целью ввести в заблуждение лицо... и таким образом добиться добровольной передачи имущества в распоряжение преступника», «при мошенничестве виновный сообщает сведения о фактах и обстоятельствах, якобы имевших место в действительности, тогда как фактически их не было, или же им сообщаются сведения хотя и об имевших место фактах, но в извращенном свете» [18, с. 143].

Г.А. Мендельсоном было дано следующее определение мошеннического обмана: «Обман — это всякое искажение истины или умолчание об истине» [18, с. 218].

Эти определения устанавливают иные границы мошеннического обмана, включая в него не только ложные, но и искажающие истину утверждения.

По поводу ложных обещаний и ложных утверждений о фактах, которые должны наступить в будущем, не было выработано единой позиции. Так, Я.М. Браинин считал, что они не должны охватываться понятием обмана: «в этом случае имеется лишь субъективное условие обмана — намерение обмануть, но отсутствует... объективная возможность ввести в заблуждение; утверждение о фактах, относящихся к будущему, нельзя рассматривать как такой способ действий, который неизбежно должен вводить в заблуждение и, следовательно, явиться средством к завладению чужим имуществом. Здесь отсутствуют реальные обстоятельства или факты, способные объективно создать ложное представление у потерпевшего» [4, с. 214]. Следует отметить, что утверждения о будущих событиях никогда не рассматривались как безотказный способ, который должен неизбежно вводить в заблуждение; «надежных» способов мошенничества, действующих при любых обстоятельствах и на всех без исключения, вообще выявлено не было.

Г.А. Кригер полагал, что важным является не обстоятельство, к какому времени относятся факты, о которых сообщает преступник, а оказываемый этими сведениями эффект — введение в заблуждение. Б.С. Никифоров к анализу содержания обмана подходил с принципиально иных позиций, прежде всего стремясь выработать общее определение, обуславливающее содержание и охватывающее все варианты мошеннического обмана. Очевидно, что это привело к еще более широкому, чем рассмотренные выше, определению обмана: «виновное поведение обвиняемого, направленное к тому, чтобы заставить потерпевшего путем фальсификации его волеизъявления распорядиться своим имуществом или совершить имущественное действие не по своей воле и не в своем интересе, образует обман как способ достижения результата и цели при мошенничестве»³. Данное определение примечательно тем, что Б.С. Никифоров указывает на ущербность волеизъявления, которое, являясь внешне добровольным, по существу мнимо вследствие заблуждения потерпевшего. Кроме того, в отличие от определения, предложенного М.М. Исаевым, оно не ограничивается ложными утверждениями, включая все возможные воздействия

на поведение потерпевшего, в том числе и весьма спорные с теоретической точки зрения: обман умолчанием и использование чужого заблуждения ради своей выгоды.

Следует отметить, что подход, при котором обман умолчанием и использование чужого заблуждения ради своей выгоды рассматривался как уголовно наказуемый мошеннический обман, никем из исследователей не оспаривался. Но в обоснование этой позиции приводились различные доводы — от философско-теоретических до идеологических. Так, М.М. Исаев, отмечая, что обман может состоять и в сокрытии обстоятельств, писал: «Под сокрытием не следует понимать исключительно активную деятельность, когда виновный, например, маскирует недостатки товара», тем самым опровергая точку зрения М.Н. Гернета, утверждавшего, что бездействие по определению пассивно, а сокрытие предполагает некоторую активность. М.М. Исаев имел в виду отождествление таких понятий, как «сокрытие» и «бездействие», рассматриваемое «в смысле умолчания об определенных обстоятельствах, и именно таких, сообщение о которых было обязательным. знание о существовании которых остановило бы потерпевшего от передачи виновному имущественных выгод»⁵.

Проблема использования чужого заблуждения исследовалась М.М. Исаевым посредством сравнительного анализа буржуазного и социалистического права, что обусловило применение не столько логической аргументации, сколько идеологических установок. Уже в конце XIX века использование чужой ошибки не всеми юристами рассматривалось только как гражданский обман. В частности, утверждение И.Я. Фойницкого о том, что «невозможно вынуждать лицо к сообщению каждому встречному своих знаний, нередко приобретаемых даже с материальными затратами»⁶, относится не к поощрению использования чужих заблуждений, а к установлению того момента, когда умолчание может быть признано преступным.

Тем не менее, расценивая это утверждение как «оголенно, неприкрыто капиталистический взгляд на содержание понятия "обман"», М.М. Исаев не

только говорит о недопустимости использования чужих ошибок в собственных корыстных целях (по сути, то же подразумевал и И.Я. Фойницкий), но и возлагает обязанность «сообщать лицу, вступающему в сделку, об обстоятельствах, ему неизвестных, согласно правилам социалистического общежития».

Таким образом, границы уголовно наказуемого обмана стали более расплывчатыми, поскольку неясно, сообщение о каких обстоятельствах следовало считать обязательным и в какой мере это сообщение повлияло бы на решение потерпевшего.

Кроме того, в этой позиции неясна сама постановка проблемы, что, вероятно, обусловлено использованием М.М. Исаевым усеченного понимания обмана только как ложных утверждений. Если на вопрос потерпевшего о каких-либо обстоятельствах виновный не дал верного ответа, т. е. солгал, это обман, а не умолчание. Когда же потерпевший не задавал никаких вопросов, то можно ли считать какую-то часть несообщенной информации умолчанием, которое следует понимать как обман?

А.А. Пионтковский умолчание о фактах приравнивал к использованию чужого заблуждения, отмечая при этом, что, хотя «такая позиция полностью гармонирует с волчьей моралью буржуазного общества. для советского общества, производственные отношения которого характеризуются как отношения. взаимопомощи свободных от эксплуатации людей, такие формы

В соответствии с Федеральным законом от 01.07.1994 № 10-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР и Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР» (далее — Закон) глава 2 «Преступления против социалистической собственности» Особенной части УК РСФСР 1960 года (далее — УК РСФСР) была признана утратившей силу, а в ст. 147 были внесены изменения, которые не дифференцировали формы собственности, в отношении которых совершалось мошенничество. Необходимость этих изменений была связана с принятием Конституции РФ, установившей в ст. 8, что в Российской Федерации признаются и защищаются равным образом

частная, государственная, муниципальная и другие формы собственности. Равенство всех форм собственности предполагает не только равную правовую защиту, но и равенство объектов права собственности. Таким образом, преступные посягательства на имущество должны были квалифицироваться без учета форм собственности.

После внесения изменений в УК РСФСР под мошенничеством стало пониматься «завладение чужим имуществом или приобретение права на имущество путем обмана либо злоупотребления доверием». Поскольку в уголовное законодательство впервые вводилось указание на то, что объектом преступного посягательства является чужое имущество, Пленум ВС РФ в п. 1 постановления от 25.04.1995 № 5 «О некоторых вопросах применения судами законодательства об ответственности за преступления против собственности» разъяснил, что под чужим имуществом следует понимать имущество, не находящееся в собственности или законном владении виновного.

Следует также отметить, что Законом в УК РСФСР было введено первое легальное определение хищения (в примечании к ст. 144) — «совершенное с корыстной целью противоправное безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц, причинившее ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества». До того термин «хищение» имел только доктринальные и судебные определения.

С принятием УК РФ 1996 г. в условиях построения рыночной экономики процесс совершенствования законодательного закрепления финансового мошенничества получил свое новое развитие. Законодатель установил ответственность за мошенничество в сфере налогообложения, на рынке ценных бумаг, фондовом рынке, в сферах денежного обращения, банковской деятельности и кредита.

1.2. Уголовно-правовые меры борьбы с мошенничеством в современном уголовном законодательстве

В УК РФ 1996 года под мошенничеством понимается хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием (ст. 159). Используемый в УК РСФСР термин «завладение» был заменен на термин «хищение», содержание которого раскрывается в примечании к ст. 158 УК РФ и полностью соответствует определению, введенному Законом в УК РСФСР.

Таким образом, если до принятия УК РФ объектом преступного посягательства надо было завладеть, т. е. изменить характер владения имуществом, то в настоящее время мошенничество предполагает хищение, т. е. более сложное действие, подразумевающее изъятие и (или) обращение имущества в свою пользу или в пользу третьих лиц.

Однако следует отметить, что понятие «изъять» (буквально означающее «взять», иными словами — извлечь из чьего-либо обладания), вполне применимое для определения кражи или грабежа, не характеризует содержания действий мошенника, которому потерпевший, введенный в заблуждение посредством обмана или злоупотребления доверием, передает свое имущество внешне добровольно. Если изъятие имущества — действие одностороннее, то передача имущества предполагает деятельность двух сторон: мошенника и потерпевшего.

Понятие «обращение в пользу» трактуется по-разному. Некоторые правоведы понимают его как «переход имущества в незаконное обладание неуполномоченных лиц, при котором они ставят себя на место собственника и приобретают реальную возможность владеть, пользоваться и распоряжаться имуществом как собственным», как «установление фактического обладания вещью». Согласно другой точке зрения понятие «обращение в пользу» является синонимом понятия «завладение». В то же время предлагается подход, в соответствии с которым «завладение —

специфический вариант изъятия виновным чужого имущества», характерный для мошенничества и учитывающий внешнюю добровольность передачи этого имущества мошеннику.

Эта терминологическая рассогласованность может быть устранена при помощи выведения мошенничества из форм хищений и использования прежнего термина — «завладение». Последний представляется более предпочтительным, так как именно фактический, внешне добровольный переход имущества во владение к виновному дает ему возможность пользоваться и распоряжаться им как своим собственным.

Кроме того, в формальном определении хищения содержится указание на обязательный признак — корыстную цель (стремление к личной наживе, материальной выгоде). Однако мошенник не обязательно преследует именно ее: в некоторых случаях он может действовать исходя из иных — нематериальных — интересов, из идейных соображений («во имя справедливости», например) и даже «из любви к искусству». Некоторые ученые полагают, что «корыстная цель имеется и в тех случаях, когда похищенное имущество передается другим лицам, в обогащении которых виновный заинтересован по различным причинам (родные или близкие виновного)». Это уточнение расширяет содержание традиционно понимаемого термина «корысть», но не объясняет всех возможных мотивов мошенничества, например, в тех случаях, когда имущество передается не родным и не близким, а совсем незнакомым людям или на благотворительные цели.

Если принимать во внимание, что УК РФ относит мошенничество к хищениям и предполагает обязательное наличие корыстной цели, то можно говорить о том, что ряд деяний, являясь, по сути, мошенничеством, формально не должны признаваться им из-за отсутствия необходимой совокупности признаков (а именно корыстной цели).

Следует также отметить, что в уголовно-правовой теории имеется проблема квалификации получения имущества путем обмана как действия,

ответственность за которое предусмотрена уголовным законодательством, т. е. как преступного (по аналогии с передачей в качестве взятки фальшивых купюр, или «куклы», продажей фальшивых наркотиков, заказом на устранение неудобного конкурента и т. п.).

В современных условиях активизации деятельности по противодействию мошенничеству важной задачей выступает правильная квалификация действий лиц, посягающих на разнообразные, специально охраняемые уголовным законом сферы путем использования своего служебного положения.

Усиление ответственности за мошенничество в отношении лиц, использующих свое служебное положение, вполне оправдано. Это обусловлено наличием у них особых знаний в конкретном виде деятельности, правомочий в отношении соответствующих лиц, предметов. Благодаря этому существенно облегчается процесс совершения хищения, значительно увеличиваются шансы его успешного доведения до конца, открываются возможности сокрытия фактов незаконного изъятия имущества. Такому лицу гораздо проще осуществить мошенничество, его действия представляют собой повышенную опасность, имеют свою специфику и способы реализации деяния для специальных субъектов.

Значительное повышение опасности всех видов мошенничества при их совершении виновным с использованием служебного положения обусловило наделение его особо квалифицирующим признаком, характеризующим как специального субъекта, так и дополнительный способ его совершения.

Вменение данного отягчающего обстоятельства на практике вызывает определенные сложности, связанные с неоднозначным подходом к толкованию его содержания, установлению и квалификации. Отсутствие в уголовном законе дефиниции данного способа совершения преступления, его недостаточное разъяснение в положениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации влекут разноплановую уголовно-правовую оценку мошенничества.

Согласно п. 29 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» под лицами, использующими свое служебное положение при совершении мошенничества (ч. 3 ст. 159, ч. 3 ст. 159.1, ч. 3 ст. 159.2, ч. 3 ст. 159.3, ч. 3 ст. 159.5, ст. 159.6 УК РФ), следует понимать должностных лиц, обладающих признаками, предусмотренными п. 1 примечаний к ст. 285 УК РФ, государственных или муниципальных служащих, не являющихся должностными лицами, а также иных лиц, отвечающих требованиям, предусмотренным п. 1 примечаний к ст. 201 УК РФ.

Такой акцент на субъектах «служебного мошенничества» без раскрытия термина «использование служебного положения» представляется недостаточным. Данный квалифицирующий признак характеризует не только субъекта, но и способ совершения мошенничества, обусловленный возможностями статуса виновного лица. Он является дополнительным способом мошеннического хищения, который облегчает обман или вхождение в доверие.

По мнению Д.Ю. Гончарова и С.Г. Гончаровой, «как высшая судебная инстанция страны, так и авторы юридической литературы, раскрывая этот признак, подходят к его сути несколько однобоко: указывают на субъекта, использующего такое положение, но не указывают на порядок и механизм его использования».

По мнению данных авторов, это должно означать, что использование служебного положения и состоит в использовании субъектом особых полномочий, которыми он наделен. Однако, несмотря на то, что определяющим компонентом служебного мошенничества является статус лица, закрепленный в его должностных инструкциях, важной составляющей выступает материальная сущность хищения. Она заключается в том, что оно совершается в пространстве, во времени с воздействием на другие объекты, является отражением преступной деятельности в окружающей среде,

сопровождается нарушением официального документооборота, причинением имущественного вреда.

По справедливому утверждению Л.В. Иногамовой-Хегай, понятие «использование лицом своего служебного положения» нужно рассматривать по совокупности двух оснований: круга субъектов и характера использования положения [33, с. 216]. Характер такого использования в мошенничестве определяется правовой возможностью, видом использования лицом полномочий, которыми оно наделено в соответствии с занимаемой им должностью, в целях совершения хищения.

Очевидно, что при наличии у виновного определенных полномочий похитить денежные средства из бюджета, внебюджетного фонда, у организаций и граждан значительно проще. Доступ к официальным документам, бланкам, компьютерной сети организаций позволяет мошеннику действовать профессионально. При этом каждой разновидности мошенничества присущ свой круг специальных субъектов, действующих в определенной «служебной» сфере.

Специальными субъектами совершения мошенничества при получении выплат часто являются главные бухгалтеры, наделенные правом оформлять справки о заработной плате. Они могут действовать как сугубо в собственных интересах, так и в отношении других лиц. Их мошеннические действия часто заключаются в изготовлении справок о доходе, где они указывают ложные сведения. Например, занижают сведения о заработной плате для получения субсидий на оплату жилого помещения, коммунальных услуг, выплат многодетным семьям, других социальных выплат. Они могут подделывать справки о завышенной заработной плате с последнего места работы или за годы, запрашиваемые пенсионным фондом для незаконного получения пенсии.

В мошенничестве, предусмотренном ст. 159.2 УК РФ, использовать свое служебное положение могут только лица, обладающие соответствующими распорядительными полномочиями в отношении фондов

федерального бюджета, государственных внебюджетных фондов, бюджетов субъектов РФ, бюджетов муниципальных образований, поскольку источником социальных выплат могут быть только они.

При квалификации мошенничества в сфере страхования с использованием служебного положения к ответственности могут привлекаться руководители страховых организаций, принимающие участие в оформлении документов по сфальсифицированным страховым случаям для получения страхового возмещения, составлении руководителем службы аварийных комиссаров подложных документов о выезде на место аварии и оформлении документов о ДТП, составлении сотрудником ГИБДД заведомо ложных документов о ДТП либо дающие указания подчиненным сотрудникам ГИБДД о составлении таких документов, фальсификации сотрудниками правоохранительных органов процессуальных документов об обстоятельствах, имеющих значение для назначения и производства выплаты страхового возмещения организации. В совершении данного вида мошенничества могут принимать участие сотрудники отдела урегулирования убытков страховой компании, эксперты и другие лица.

К лицам, использующим свое служебное положение при совершении мошенничества, относятся руководители организаций, менеджеры по продажам финансовых продуктов, оформляющие кредитные карты на клиентов без ведома последних и похищающие при помощи этих карт денежные средства банка.

Н.А. Балашова под использованием служебного положения предлагает понимать умышленное использование лицом своих служебных полномочий, а также связанных с осуществлением таких полномочий возможностей оказывать влияние, которое определяется значимостью занимаемой им должности, на других лиц в целях совершения ими незаконных действий.

В механизме совершения служебного мошенничества виновный чаще всего напрямую пользуется своими полномочиями. Реже он завладевает

чужим имуществом, спекулируя доверительным авторитетом, который ему обеспечивала занимаемая должность.

В судебной практике встречаются ситуации, когда субъектом, использующим свое служебное положение, признается лицо, которое не осуществляет непосредственно служебные функции; занимаемое им положение лишь придает ему определенный авторитет и создает обстановку доверия, что облегчает совершение преступления. В таких случаях квалификация его действий осуществляется по статьям о мошенничестве безотягчающего обстоятельства в виде использования служебного положения.

Аналогичным образом квалифицируется совершение мошенничества рядовыми сотрудниками, которые получили доступ к имуществу либо которым имущество было вверено не в связи с занимаемой должностью, а для выполнения производственных функций. Полномочия должны использоваться именно для изъятия этого имущества либо приобретения права на него.

Использование служебного положения при мошенничестве делает мошенничество более опасным, посягающим на дополнительные объекты в виде интересов службы, официального документооборота. Важным в его квалификации является установление специфики конкретных действий и статуса субъекта при неправомерном посягательстве на экономические интересы.

Важным элементом организации предупреждения исследуемого явления надлежит рассматривать планирование, анализ обстановки, ее прогноз, учет имеющихся сил и средств, постановку конкретных задач, определение основных направлений деятельности на тот или иной период, а также комплекс соответствующих мероприятий. Планирование обеспечивает системный характер предупредительной работы, позволяет согласовать в ней меры социально-экономического, организационного, правового, воспитательного и иного характера. Без планирования предупреждение преступности теряет свою целенаправленность, а значит, и эффективность,

то есть становится невозможным достижение позитивного результата при меньших затратах времени, материальных и человеческих ресурсов.

Полагаем, что в качестве организационных мер предупреждения экономического мошенничества необходимо использовать:

- обеспечение своевременного, заблаговременного выявления фактов мошенничества, совершаемого в экономической сфере;

- организацию защиты государства, хозяйствующих субъектов, а также граждан от мошеннических посягательств;

- организацию эффективного расследования и привлечения к уголовной ответственности лиц, совершивших мошеннические посягательства;

- организацию исполнения гражданско-правовых исков, позволяющих возместить причиненный ущерб жертвам преступления от мошеннических посягательств;

- обеспечение содействия со стороны органов государственной власти жертвам мошенничества, службам безопасности организаций в целях предупреждения, выявления, раскрытия и расследования мошеннических посягательств.

2. ПРОБЛЕМЫ ОТГРАНИЧЕНИЯ МОШЕННИЧЕСТВА ОТ СМЕЖНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

2.1. Отграничение мошенничества от смежных преступлений против собственности

Мошенничество имеет длительную историю, в криминальной среде накоплен и продолжает накапливаться опыт совершения данного преступления в зависимости от временного пространства. Данная работа имеет своей целью комплексное изучение вопросов квалификации мошенничества.

Мошенничество – один из видов воровства. Мошенничество в уголовном праве – это «преступление, заключающееся в завладении чужим имуществом (или в приобретении прав на имущество) путём обмана или злоупотребления доверием».

Мошенничество в современном мире отличается исключительной приспособляемостью и способностью к существенным изменениям. Оно прошло полноценную эволюцию от обычной кражи до самых гениальных способов присвоения имущества. Это, прежде всего, связано с тем, что современная жизнь весьма продвинулась в технологиях, общение интеллектуализируется и компьютеризируется, большое значение играют информационные технологии в сфере финансов и предпринимательства, существенные изменения в средствах коммуникации.

Обман и мошенничество в этих сферах приобретают такие новые и необычные формы, которые могут быть понятными только специалистам в соответствующих областях знания. Я. Фойницкий заметил, что мошенничество – это прежде всего «орудие интеллектуальное», его проявление в современную эпоху все более изощрены, изменчивы и трудноуловимы [42, с. 10].

Вместе со становлением рыночной экономики и отношений, появлением новых форм собственности в России существенно увеличились случаи афер в

различных областях жизни общества. На данный момент главными видами мошенничества являются: финансовые и имущественные; различные виды магических, паранормальных, «народных» и иных форм целительства; дезинформация, внушение и обман СМИ; различные психопрактики, психотренинги, ложное образование. Большими точками может быть материальное благополучие, наше здоровье и сама жизнь, сознание и внутренний мир [11, с. 19].

В правоприменительной практике часто допускаются ошибки, связанные с разграничением мошенничества с такими формами хищения, как присвоение и растрата. В связи с этим предлагается анализ критериев разграничения указанных составов преступлений.

Изучение материалов правоприменительной практики свидетельствует о том, что при квалификации деяний, связанных со злоупотреблением доверия, нередко допускаются ошибки при отграничении мошенничеств от присвоений и растрат. В связи с этим мы попытались провести юридический анализ критериев разграничения отмеченных составов преступлений [3, с. 60].

Сравнивая мошенничество с деяниями, предусмотренными нормами ст. 160 УК РФ (присвоение или растрата), следует обратить внимание на то, что по смыслу закона присвоение и растрата, в отличие от мошенничества, характеризуются тем, что для изъятия имущества виновный использует имеющиеся у него полномочия в отношении этого имущества. Такими официальными полномочиями виновного наделяет сам собственник имущества. Полномочия здесь присутствуют в усеченном формате. Их объем определяется границами, необходимыми для осуществления нормальной финансово-хозяйственной деятельности предприятия (организации) [44, с. 101].

От присвоения или растраты мошенничество отличается также тем, что имущество в последнем случае передается виновному неофициально, на основе личного доверия, без предоставления в отношении него каких-либо полномочий.

Как можно заметить, в обоих случаях для незаконного завладения имуществом используется обман либо злоупотребление доверием. Вместе с тем если при мошенничестве обман направлен на изъятие имущества, то при присвоении либо растрате имущество уже находится в фактическом обладании посягателя как уполномоченного собственником лица.

Таким образом, расхититель, используя доверительное отношение к нему со стороны собственника, добровольно передавшего ему свое имущество, обращает это имущество в свою пользу (присвоение) либо в пользу других лиц (растрата).

Здесь же следует подчеркнуть, что существенное значение имеет также сам момент возникновения умысла. Например, если умысел на хищение возник у виновного после установления доверительных отношений, основанных на гражданском либо трудовом договоре, содеянное квалифицируется как присвоение или растрата.

Определенные сложности в разграничении обусловлены и наличием в статье о мошенничестве квалифицирующего признака — с использованием служебного положения лица.

Ранее в судебной практике мошенничество путем злоупотребления доверием квалифицировалось как присвоение или растрата вверенного виновному имущества, а те же действия в отношении государственного или общественного имущества преследовались по ст. 92 УК РСФСР.

И наконец, с появлением в уголовном законе дефиниции, предусматривающей ответственность за хищение чужого имущества, вверенного виновному, отпали последние основания для закрепления в законе злоупотребления доверием в качестве способа мошенничества [17, с. 121].

Итак, разграничение можно провести по следующим критериям.

Во-первых, при присвоении и растрате имущество передается виновному на законных основаниях, вытекающих из трудовых или гражданско-правовых отношений; при мошенничестве потерпевший передает имущество преступнику под влиянием обмана или злоупотребления доверием.

Во-вторых, при присвоении и растрате передача имущества и, следовательно, владение этим имуществом со стороны виновного носят законный характер не только по форме, но и по содержанию. При мошенничестве передача имущества носит законный характер только внешне, по существу владение имуществом незаконно, поскольку данная сделка совершается с ущемлением сути волеизъявления собственника. Поэтому данная сделка юридически ничтожна.

В-третьих, могут различаться полномочия, которые передаются виновному лицу. При присвоении и растрате передача собственности или права собственности на имущество материально ответственному лицу в принципе невозможна. Имущество ему передается для распоряжения, управления, доставки или хранения. При мошенничестве имущество может передаваться преступнику в собственность.

В-четвертых, при присвоении и растрате умысел у виновного возникает лишь в тот момент, когда имущество находится у него на законных основаниях. При мошенничестве же умысел виновного на завладение переданным имуществом возникает до передачи имущества, до заключения договора. Поэтому при мошенничестве с использованием служебного положения виновный завладевает чужим имуществом, заранее зная, что не выполнит своих обязательств перед собственником.

При противоправных поступках, которые совершаются с целью завладения чужого имущества, очень важно внести некоторые разграничения. Это даст не только полную картину преступления, но и позволит оценить степень ответственности виновного. Так в чём же заключается отличие грабежа от мошенничества и других способов хищения? Разберемся ниже.

Что такое грабёж? Это понятие, которое относят к хищению чужого ценного имущества. Но оно происходит на виду у самой жертвы или при свидетелях. Противоправное действие может совершаться как с применением насилия, неопасным для жизни и здоровья потерпевшего, так и без него.

Особенность грабежа — это его открытость перед жертвой, а также другими людьми. То есть, преступник осознаёт, что он совершает правонарушение и он понимает, что это видят. Для этого преступления характерен прямой умысел и корыстная цель — завладение чужим имуществом. Для осуществления грабежа применяется насилие неопасное для здоровья и жизни потерпевшего. К таковому относится: Побои; Причинение боли без побоев; Действия, при которых ограничивается свобода, в том случае, если они не приносят вреда для жизни и здоровья. Использование веществ, обладающих одурманивающим эффектом, без причинения ущерба здоровью и жизни человека.

Что такое кража? Это хищение имущества, которое совершается тайно, то есть жертва преступления или другие лица не знают об этом. А также к этой категории относят противоправное действие с имуществом при свидетелях, в том случае, если они не догадываются о том, что совершается преступление.

Переквалифицировать действия в кражу можно, если преступник думал, что работает тайно, хотя это не так и есть свидетели правонарушения. Преступление характерно прямым умыслом и корыстью. Для этого проступка присуще ненасильственное завладение чужим имуществом. Чтобы внести разграничение в понятия мошенничества и кражи, нужно определить способ завладения чужой собственностью и предмет хищения.

Что такое мошенничество? Забрать какое-либо имущество или деньги преступникам позволяет не только грабёж, но и обманный путь. К таковым относится мошенничество. Это хищение чужой собственности, путём лжи или злоупотребления доверием.

Преступники хорошо знают психологию поведения людей и создают такие условия, при которых жертва сама передаёт мошеннику своё имущество, деньги или право на владение чем-либо. Это может быть сделано при помощи как открытого обмана (намеренное искажение правды), так и пассивного обмана (умалчивание истины). Обычно мошенники прибегают к

таким уловкам: Застигают жертву врасплох не давая ей тщательно обдумать всех действий. Обычно всё совершается в спешке. Предлагают совершить какую-либо сделку на очень выгодных условиях.

Представляются влиятельными людьми, тем самым вызывая доверие. Жертвой мошенника в 2019 г. может стать не только малообразованный. Сейчас в капкан злоумышленника попадают даже люди, юридические подкованные, умные. Всё, потому что схемы, использованные преступниками, очень продуманные и хитрые. В сговоре могут состоять несколько человек.

Мошенничество без признаков хищения подразумевает под собой пользование чужим имуществом, без цели получить собственность на него. А также это может быть уклонение от платежей при пользовании услугами или же при использовании ресурсов, например, электроэнергия или газ.

Мошенничество или кража? Отличия мелкого хищения от мошенничества заключается в том, что при хищении преступник может завладеть чужим имуществом без ведома жертвы и неоднократно, при последнем, право на собственность имуществом приобретается от самого пострадавшего.

Так в чём же заключаются отличия кражи от мошенничества, рассмотрим такие аспекты: При краже, жертва не знает, что против неё совершаются противоправные действия. Хищение при этом происходит тайно. При мошенничестве, жертва сама передаёт своё имущество или права на таковое преступнику. Совершив кражу, преступник не имеет права на пользование чужим имуществом. При мошенничестве это право передаётся самим пострадавшим. Человек, совершивший кражу, несёт ответственность с 14 лет, а за мошенничество с 16. Отличие кражи с элементами обмана от мошенничества в том, что ложь в первом случае используется для доступа к имуществу. В мошенничестве, обманывают для получения самого имущества или прав на его владение.

В заключение, можно сказать, что видов хищений очень много. Бывает очень трудно провести грань между ними. В помощь к этому можно отнести способ завладения и предмет хищения.

2.2. Отграничение мошенничества от некоторых преступлений в сфере экономической деятельности

Актуальность исследования вопросов определения критериев, по которым разграничиваются составы коррупционных преступлений от иных видов преступлений против собственности или в сфере экономической деятельности определяется, во-первых, важностью соблюдения принципа законности и обоснованности постановления обвинительных приговоров именно по той статье Особенной части Уголовного кодекса РФ, которая предусматривает то или иное деяние и, во-вторых, общей активизацией антикоррупционной борьбы, которая ведется при помощи различных организационно-правовых мер российскими властями.

По своим объективным признакам к составу получения взятки наиболее близкими являются состав коммерческого подкупа и мошенничества. Рассмотрим те критерии, которые позволяют отграничить эти составы при квалификации.

Отличие получения взятки от коммерческого подкупа не представляет собой видимых сложностей, поскольку оно проводится по признакам субъекта преступления. Взятку может получить только должностное лицо, коммерческий подкуп – руководитель коммерческой структуры. Второе очевидное отличие данных составов проводится по объекту преступного посягательства – в случае получения взятки таковым являются интересы государственной власти и управления, тогда как коммерческий подкуп посягает на интересы службы в коммерческих и иных организациях [7, с. 75].

Рассматривая предмет коммерческого подкупа (ч. 1 ст. 204 УК РФ) и взятки (ч. 1 ст. 290 УК РФ), можно отметить почти полную схожесть в его

формулировке – таковыми являются деньги, ценные бумаги, иное имущество, незаконно оказанные услуги имущественного характера, а также имущественные права, полученные как лично, так и переданные по указанию получателя взятки или коммерческого подкупа третьим лицам. Однако, в отличие от коммерческого подкупа, взятка может быть передана не для конкретной цели, а для общего покровительства или попустительства по службе.

Коммерческий подкуп же имеет строго целевое назначение, передача предмета подкупа для достижения общего расположения лица, работающего в той или иной организации, не влечет за собой уголовной ответственности. В этом коренное отличие взятки от коммерческого подкупа – должностные лица не вправе принимать от третьих лиц никаких подарков, кроме разрешенных малоценных, поскольку для них всегда будет иметь мест риск признания такого подарка взяткой. Работники прочих организаций более свободны в этом отношении – они могут принимать нецелевые подарки, не связанные с каким-либо конкретным делом.

Интересной является точка зрения С.В. Элекиной о том, что предмет коммерческого подкупа шире, чем предмет взятки, предлагая включить в него также незаконное освобождение от имущественных обязательств [39, с. 123]. Дать взятку таким образом почти невозможно в силу безвозмездности отношений, связанных с отпращиванием государственных функций. Таким образом, коммерческим подкупом может быть признано прощение долга или освобождение от иных обязанностей, которые характерны для коммерческого оборота, а предметом взятки такие действия признать нельзя.

Не вполне удачным признается рекомендация Верховного Суда РФ, сохранившаяся в п. 23 Постановления Пленума № 24, о том, что если лицо, выполняющее определенные функции в коммерческой организации, получило деньги за выполнение действий, которые оно не может выполнить в связи с отсутствием полномочий на это, то такие действия надлежит квалифицировать как мошенничество.

Как верно замечает А.В. Кузнецов, такое положение совершенно необоснованно ставит в более льготное положение участников содеянного, поскольку при мошенничестве полученное возвращается прежним владельцам, тогда как при коммерческом подкупе обращается в доход государства [17, с. 101]. По сути, действительно, необходимо также подвергнуть определенным лишениям и сторону, которая передает средства в качестве коммерческого подкупа, полагая, что передает его лицу, полномочному принять нужное решение. Возврат денег или иного предмета подкупа обратно передавшему его лицу является неосновательной мерой поощрения такого поведения и даже гарантии того, что если коммерческий подкуп не достигнет своей цели, его можно будет вернуть обратно, осудив лицо, которое не смогло оказать помощь, за мошенничество. Более правильно была бы квалификация подобных деяний по статье о превышении должностных полномочий (ст. 286 УК РФ).

Разграничение получения взятки и составов мошенничества представляет собой гораздо большую проблему, нежели разграничение с коммерческим подкупом. Грань между взяткой и мошенничеством проводится по признакам объективной стороны – при получении взятки ее получатель имеет возможность решить проблему взяткодателя, а при получении тех же денег или иных предметов взятки при отсутствии у получателя взятки реальной такой возможности квалификация происходит по статьям, предусматривающим ответственность за мошенничество. При этом действия взяткодателя абсолютно одинаковы в обеих ситуациях – лицо передает предмет взятки для решения какой-то своей проблемы. При этом должностное лицо, которое реально могло оказать соответствующее содействие, будет нести ответственность по ст. 290 УК РФ, при этом взяткодатель – по ст. 291 УК РФ, а предмет взятки будет обращен в доход государства. Если же взятка была передана взяткодателем лицу, которое, вопреки его уверенности в обратном, не могло помочь взяткодателю,

ответственность по ст. 159 УК РФ будет нести только получатель взятки, предмет взятки будет возвращен его прежнему владельцу.

Особую проблему квалификации коррупционных преступлений как мошенничества составляют факты так называемой «продажи должностей», то есть выявления случаев передачи определенной суммы денег для оплаты замещения той или иной должности. Данные факты при их обнародовании получают широкий общественный резонанс и особо отмечаются на высшем уровне.

Как верно замечает А.В. Щепотин, есть определенный правовой пробел – исходя из буквального толкования уголовно-правовых норм при совершении мошеннических действий в отношении лица, который имел умысел на передачу через посредника взятки, и при привлечении к уголовной ответственности по ст. 159 УК посредника в передаче взятки исключается привлечение к уголовной ответственности взяткодателя в связи с наличием у него статуса потерпевшего. И наоборот, при привлечении по ч. 3 ст. 30, ст. 291 УК лица, имевшего намерение передать взятку, невозможно привлечь к уголовной ответственности по ст. 159 УК лицо, обратившее предмет взятки в свою пользу, в связи с отсутствием потерпевшего по уголовному делу [46, с. 219].

В 2014 году признал бывшего депутата Госдумы Ш. виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, ч. 4 ст. 159 УК РФ, то есть в покушении на мошенничество. Как следует из приговора, Ш. летом 2011 года склонял жителя Московской области, желавшего стать депутатом Госдумы, к покупке этого поста за 7,5 миллиона евро. Сотрудники правоохранительных органов задержали его при получении первой части требуемой суммы – 66 миллионов рублей. Однако, как указал суд, таких возможностей у него не было, действовать в интересах потерпевшего он не собирался, а полученные деньги хотел присвоить. Ш. приговорен к наказанию в виде лишения свободы на срок 5 лет со штрафом в размере 700000 руб., его сообщники также получили реальные сроки [15, с. 7.].

Бывшего главу Северо-Западного территориального управления Росрыболовства М. приговорили к шести годам колонии строгого режима и штрафу в 50 миллионов рублей. Уголовное дело в отношении экс-чиновника было возбуждено по фактам получения взяток на общую сумму 26 млн. рублей. С 2010 по 2011 год М., по данным следствия, принуждал подчиненных ему сотрудников увольняться со своих должностей руководителей территориальных отделов ведомства. А освободившиеся должности продавал. В качестве взяток М. получил 26 млн. рублей [32, с. 110].

Квалификация продажи должностей как мошенничества, как и в случае с коммерческим подкупом, снижает эффективность уголовно-правовых мер воздействия, а кроме того, исключает особо крупные штрафы, установленные специально для борьбы с коррупционными преступлениями, и возможность применения конфискации денег, ценностей и иного имущества, полученных в результате совершения преступления.

По составу мошенничества лицо, передающее деньги или иное имущество, признается потерпевшим и поэтому имеет право на получение обратно того имущества, которое он передан мошеннику. Получается, что при такой квалификации взяткодатель, который ошибочно передал взятку «не тому» получателю, признается потерпевшим от преступления и ему возвращаются все понесенные им расходы. По справедливому замечанию Р.К. Мелекаева взяткодатель сам совершает преступление и не может признаваться потерпевшим от него [33, с. 92]. Таким образом, ст. 159 УК становится своеобразным «спасательным кругом» для взяточников и расхитителей [35, с. 54].

Итак, подводя итоги рассмотрению вопросов разграничения составов получения взятки и коммерческого подкупа, а также получения взятки и мошенничества, можно сделать вывод, что оно проводится по признакам субъективной стороны в случае коммерческого подкупа и по признакам объективной стороны в случае мошенничества. Причем проблему на

практике составляет необоснованная квалификация как получения взятки, так и коммерческого подкупа как мошенничества в случае, если лицо, которому были переданы предмет взятки или коммерческого подкупа, не может выполнить то, за что он его получил в силу отсутствия полномочий. Это положение следует признать неправильным, поскольку в таком случае лицо, передавшее взятку или предмет коммерческого подкупа, признается потерпевшим от мошеннических действий и получает компенсацию всего израсходованного в связи с преступлением, что подрывает основы антикоррупционной борьбы в государстве.

Обман как первый инструмент мошенника всегда занимал особое положение среди прочих методов, используемых в преступлениях. Не стоит недооценивать общественную опасность так называемых жуликов. В настоящее время в обществе орудуют тысячи и тысячи мошенников начиная от мелких воришек, обманывающих граждан по телефону или на улице, до настоящих криминальных авторитетов, использующих самые изощренные методы хищения.

Мошенничество стало в 2017 году одним из самых распространенных видов преступлений: в среднем в 2017 году регистрировалось одно преступление данного вида каждые три минуты. Об этом свидетельствуют опубликованные данные Генпрокуратуры о состоянии преступности в России за 11 месяцев 2017 года.

В настоящее время в Уголовном Кодексе РФ предусмотрена статья 159 «Мошенничество» которая звучит: «Мошенничество, то есть хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием». Кроме того, Уголовным Законом предусмотрены 5 специальных составов мошенничества, которые перечислены в статьях 159.1–159.6 УК РФ.

Однако, несмотря на развитие Уголовного Законодательства, возникают некоторые проблемы в безоговорочной квалификации деяний как мошенничество. Исследуя историю развития уголовного законодательства

России, можно заметить, что ранее существовали совершенно непохожие на современные формулировки такого деяния как мошенничество. На протяжении времен обман в корыстных целях, в последствии мошенничество, развивался и приобретал новые формы и способы. Отсюда следует вывод о том, что мошенничество в разные времена истории имело место быть, более того, изменяясь и «мутируя», оно ставило под угрозу общественные отношения.

Только в 1781 г. спустя около 200 лет с момента появления термина мошенничество Указом Екатерины I «О суде и наказании за воровство разных родов и о заведении рабочих домов» было введено отдаленно напоминающая современную формулировка вида корысти: «завладение имуществом посредством обмана». Эта формулировка не выделяла мошенничество как отдельное преступление, а скорее была только лишь способом хищения в общем списке противоправных деяний. Со времен правления Екатерины I прошло немало лет, и Уголовное Законодательство не стояло на месте, однако в практической деятельности правоохранительных органов встречаются ситуации, когда признаки отдельных преступлений имеют некоторое сходство с мошенничеством, что создает определенные трудности для правоприменителя в процессе квалификации анализируемых деяний.

Данное обстоятельство обуславливает необходимость в проведении разграничения между мошенничеством и другими составами преступлений, имеющими схожие признаки, а также составами административных правонарушений. Вместе с тем имеют место быть совершенно особые ситуации, возникающие при квалификации составов, на первый взгляд не имеющих ничего общего с мошенничеством.

Часто затруднения при квалификации содеянного возникают потому, что в значительной части составов Уголовного Кодекса РФ прямым или косвенным образом просматривается корыстный мотив, например, хищение имущества или упущенная выгода, а способом совершения является

определенная форма или стадия обмана. Данное обстоятельство во многих ситуациях вызывает затруднения в безоговорочной квалификации деяния по конкретной статье. Таким образом, говоря о проблемных вопросах квалификации, можно выделить некоторые статьи, признаки которых определенным образом перекликаются с признаками состава преступления, предусмотренного статьей 159 УК РФ.

Это такие статьи Уголовного Кодекса РФ как: ст. 158, ст. 160, ст. 161, ст. 163, ст. 173.1–173.2, ст. 172.2, ст. 327 и другие. Нет смысла указывать исчерпывающий список «смежных» статей, так как при определенных обстоятельствах самые неожиданные статьи могут конкурировать с составом статьи 159 УК РФ. Вместе с тем, упомянутые автором специальные составы мошенничества (ст.ст. 159.1–159.6 УК РФ) также в своей квалификации нередко имеют сложности и требуют внимания в правоприменении. Так ст. 159.1 «Мошенничество в сфере кредитования», ст. 159.2 «Мошенничество при получении выплат» и ст. 159 «Мошенничество в сфере страхования» могут и зачастую совершаются путем предоставления заведомо подложных документов, то есть в данном случае в способе совершения преступления содержатся признаки состава преступления, предусмотренного ст. 327 УК РФ или возможно ст. 325 УК РФ, если документ был похищен у его законного владельца. Такая же ситуация возникает при квалификации деяния по ст. 159.3 УК РФ «Мошенничество с использованием электронных средств платежа».

Признаки указанного состава преступления перекликаются с признаками состава преступления, предусмотренного ст. 187 УК РФ «Неправомерный оборот средств платежей». Похожая проблема имеет место быть при отграничении состава, предусмотренного статьей 159.6 УК РФ «Мошенничество в сфере компьютерной информации» от состава, предусмотренного статьями 272, 273 и 274.1 УК РФ. Так или иначе каждый конкретный случай требует отдельного детального разбирательства и правовой оценки конечного заключения, безусловно в соответствии с

положениями Конституции РФ. Некоторые пояснения дает Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48. Однако, невозможно предусмотреть все возможные обстоятельства. В первую очередь при определении деяния как мошенничество необходимо понять — а был ли у подозреваемого умысел на хищение в принципе? Безусловно, мошенничество — это в первую очередь хищение, то есть преступление, направленное против собственности. Во-вторых, мошенничество — это хищение совершаемое особым, если хотите, специфичным способом, а именно путем обмана или злоупотребления доверием. При этом мошенничеством может быть признано не только действие, но и бездействие, так называемый пассивный обман.

Это следует из определения мошенничества как деяния. То есть, например, в случае если вы заметили, как в магазине сотрудник элементарно забыл рассчитать вас за часть покупок, а вы в свою очередь умолчали о данном факте, значит, что вы в данный момент совершили хищение путем пассивного обмана. Конечно же, в данном случае доказать ваш умысел представляется большой проблемой, однако при заключении и реализации крупных финансовых сделок между юридическими организациями этому следует уделять пристальное внимание.

Мошенничество важно отграничивать в случае наличия в составе преступления обмана в целях совершения преступления, например, кражи. Нельзя назвать мошенничеством деяние, в ходе которого, например, первый соучастник обманным путем отводит потерпевшего в сторону, а в это время его сообщник похищает его имущество, оставленное без присмотра. В этом случае действия виновных будут квалифицироваться по ч. 2 ст. 158 УК РФ, так как обман в этом случае является лишь средством совершения тайного хищения имущества, то есть кражи. Что немаловажно в данной ситуации потерпевший не желает передачи имущества виновному как в классическом мошенничестве.

Не менее интересные вопросы квалификации возникают при расследовании преступлений, состав которых предусмотрен ст. 290 УК РФ.

На первый взгляд, исходя из формулировки и сфер совершения деяний, предусмотренных статьями 290 и 159 УК РФ, сложно представить каким образом указанные статьи могут перекликаться. Рассмотрим следующую ситуацию. Допустим, есть высокопоставленный чиновник, например, член администрации муниципального округа, который готов за определённую плату вынести на совет депутатов и продвинуть вопрос, положительное решение которого необходимо для взяточдателя.

Вместе с тем, известно, что наш чиновник действительно имеет достаточное влияние и административный ресурс для того, чтобы положительно решить указанный вопрос. Таким образом, в действиях чиновника, который получает взятку, усматриваются признаки преступления, предусмотренного ст. 290 УК РФ (часть в зависимости от обстоятельств дела).

Однако, в ходе расследования недобросовестный слуга народа признается в том, что совершил преступление, предусмотренное ст. 159 УК РФ. Все дело в том, что формально наш чиновник не имел полномочий по принятию положительного решения на совете депутатов так как вопросы подобного характера должны решаться на основании общего голосования «слуг народа».

Таким образом, чиновник просил для себя плату за то, на что он формально повлиять был не в силах, однако, конечно же, фактически такая возможность была и более того, все задуманное в большинстве подобных случаев «добропорядочно» исполнится. Квалификация действий чиновника по ст. 159 УК РФ позволила бы избежать ему заслуженного наказания, так как исключала наказание штрафом и лишением права занимать определённые должности. Данный пример показывает, что мошенничество также в некоторых ситуациях может иметь схожие признаки с таким преступлением как получение взятки.

То есть, в случае, если должностное лицо в удобный для себя момент выдает свои обещания за неисполнимые с его стороны, однако, в действительности, имеет все административные и влиятельные ресурсы для его исполнения в полном объеме.

В подведение итогов хотелось бы сказать еще раз о том, что при квалификации деяния как мошенничество необходимо обращать внимание на способ совершения и цель. При мошенничестве целью является чужое имущество, а способом совершения является обман или злоупотребление доверием.

Также важно разграничить способ и средство совершения, ведь обман может являться, как обсуждал А.М. Смирнов [37], средством совершения кражи. Учеными-юристами высказано много предложений в целях решения указанных в статье проблем квалификации мошенничества. По мнению автора, целесообразным стали бы некоторые дополнения к действующему законодательству, такие как, например, введение в формулировку статьи 159 УК РФ уточнения в части способа совершения мошенничества, а именно изложить следующим образом: «...путем обмана и/или злоупотребления доверием» [37].

По мнению А.М. Смирнова, обман и злоупотребление доверием во многих случаях являются последовательными и неразрывными, поэтому такое дополнение было бы актуальным. Вместе с тем, подводя мораль после примера с чиновником следует принять ко вниманию инициативу к рассмотрению и принятию такой статьи как «Получение незаконного вознаграждения». Партия «Единая Россия» в 2014 году выступала с таким предложением ввести в Уголовный кодекс (УК) РФ статью «Получение незаконного вознаграждения». Наказание по новой статье предполагалось от двух до 12 лет лишения свободы.

Максимально жесткое наказание по ней составит 12 лет лишения свободы со штрафом, 60-кратным сумме незаконного вознаграждения. Впрочем, продолжения данная история не получила, вследствие мнения о

том, что, данный документ позволит незаконно назначить наказание адвокатам, правозащитникам и даже в некоторых случаях — предпринимателям. В настоящее время преступления против собственности причиняют существенный вред социально-экономической сфере российского общества и государства. Мошенничество как преступное деяние занимает особое место среди преступлений против собственности. Не стоит не до оценивать общественно-опасные последствия мошенничества. В преступных деяниях в экономической сфере так или иначе присутствует определенная форма обмана, поэтому существует необходимость установления более жестких рамок для упрощения, конкретизации квалификации деяний, дополнению существующих норм или введению дополнительных.

3. ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ КВАЛИФИЦИРОВАННЫХ СОСТАВОВ МОШЕННИЧЕСТВА И СМЕЖНЫХ СОСТАВОВ КОРЫСТНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Мошенничество является наиболее криминально-выгодным среди всех форм хищения и имеет тенденцию к росту. Существующая практика применения норм, направленных на уголовно-правовую охрану отношения собственности, в достаточной степени признается успешной. Однако на практике возникают сложности квалификации преступлений, предусмотренных ст. 159 УК РФ, связанные с трактовкой и уточнением объективных и субъективных признаков мошенничества.

Актуальными для правоприменителя остаются, во-первых, конкуренция двух способов данного деяния: обмана и злоупотребления доверием, которая в судебно-следственной деятельности вызывает правовую неопределенность в выборе одного из них. Во-вторых, обращает на себя внимание тот факт, что у мошенничества не может быть признаков, которых нет в легальном определении хищения. Это, прежде всего, относится к пониманию корыстной цели. Часто судьи вынуждены принимать решение о наличии или отсутствии в действиях лица состава мошенничества не на четких предписаниях закона, а на основе своих личных представлений о корыстной цели или даже интуитивно.

А.Н. Хоменко и Н.А. Черемнова² пришли к выводам: 1) злоупотребление доверием не является альтернативным способом хищения при совершении мошенничества; 2) в основе субъективного признака хищения, в том числе и связанного с мошенничеством, лежит не корыстная цель, а корыстный мотив как внутреннее побуждение к обогащению.

² Хоменко А.Н., Черемнова Н.А. Способ и цель совершения мошенничества // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. – 2018. - № 4. – С. 95-98.

Мошенничество является наиболее циничным преступлением среди всех форм хищения. При этом является самым распространенным видом по статистике за 2017 г. в среднем регистрировалось одно преступление данного вида каждые три минуты³. Криминологический анализ посягательств, связанный с хищениями, также показывает, что наиболее криминально-выгодным является мошенничество. Во-первых, при совершении мошенничества, как правило, похищается самое ликвидное имущество - деньги. Во-вторых, посредством обманного способа хищения можно похитить значительные суммы денежных средств и иного имущества. В-третьих, совершать мошенничества намного безопаснее. Если мошеннику не удастся убедить потерпевшего передать деньги, то, вероятнее всего, этим всё и завершится, без обращения потерпевшего в правоохранительные органы. В случае регистрации заявления о преступлении вероятность отказа в возбуждении уголовного дела по факту мошенничества значительно выше, чем по факту кражи, грабежа или разбоя. В-четвертых, похищенное имущество скрывается, оформляется на родственников или подставных лиц. Отбыв наказание, виновный практически получает возможность использовать это имущество, не возмещая ущерб⁴.

На этом фоне законодатели, правоведы и правоприменительные органы в пределах своей компетенции пытаются совершенствовать возможности противодействия данному посягательству. Так, Федеральный закон от 23 апреля 2018 г. № 111 -ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» (далее УК РФ) усилил наказание за мошенничество с использованием электронных средств платежа (ст. 159.3), заменив арест, который в настоящее время не применялся, лишением свободы на срок до трех лет. Этим же законом в ч. 3 ст. 159.6 УК РФ добавлен квалифицированный состав «с банковского счета, а равно в отношении

³ См.: Генпрокуратура назвала мошенничество одним из самых распространенных видов преступлений [Электронный ресурс] / ТАСС. - Режим доступа: <http://tass.ru/proisshestiya>.

⁴ Петров, С. Совершенствование правовых способов борьбы с мошенничеством [Текст] / С. Петров // Законность. - 2018. - № 9. - С. 43-45.

электронных денежных средств» (санкция осталась без изменения). До этого 30 ноября 2017 г. было принято Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации (далее - ППВС) № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате», которое признало утратившим силу одноименное ППВС от 27 декабря 2007 года № 51. Основным отличием нового постановления стало разъяснение применения специальных норм мошенничества (ст. 159.1-159.6 УК РФ), введенных в уголовный закон в ноябре 2012 г.

Однако остальная трактовка признаков хищения в форме мошенничества в ППВС от 2017 г. № 48 осталась практически без изменений. Следовательно, соответствующее разъяснение проблем квалификации данного посягательства и конкретного уточнения его признаков остается в настоящее время актуальным для правоприменителя.

Вместе с тем проблема эффективной борьбы с мошенничеством непосредственно связана со сложностями квалификации данных преступлений. Так, в работе органов предварительного следствия возникают затруднения, связанные с указанием в ст. 159 УК РФ способов совершения мошенничества: обмана или злоупотребления доверием. Несмотря на то, что буквальное толкование нормы, а именно употребление в ее тексте союза «или», фактически исключает одновременное присутствие обоих способов при квалификации преступления и описании его объективной стороны в практике судов встречаются решения по делам о мошенничествах, где среди действий виновного лица указаны и обман, и злоупотребление доверием⁵.

В ППВС № 48 разъясняются рассматриваемые способы, сохранившие предыдущее их понимание, как самостоятельные и не взаимоисключающие друг друга. В нем отличительным моментом злоупотребления доверием от обмана является использование доверительных отношений с владельцем имущества или иным лицом, уполномоченным принимать решения о

⁵ Шергин Р. Сложности квалификации мошенничества [Текст] / Р. Шергин // Законность. - 2018. - № 8. -- С. 57-58.

передаче этого имущества третьим лицам. Доверие может быть обусловлено различными обстоятельствами, например служебным положением лица либо его личными отношениями с потерпевшим (п. 3 ППВС № 48).

В п. 2 ППВС № 48 дается понимание обмана: способ совершения хищения или приобретения права на чужое имущество, который может состоять в сознательном сообщении (представлении) заведомо ложных, не соответствующих действительности сведений, либо в умолчании об истинных фактах, либо в умышленных действиях, направленных на введение владельца имущества или иного лица в заблуждение. В науке уголовного права данный обман условно делится на активный - сознательное искажение истины и пассивный - умолчание об истине, состоящее в сокрытии фактов или обстоятельств, которые при добросовестном и соответствующем закону совершении имущественной сделки должны быть сообщены.

Возникает вопрос, а что при использовании доверительных отношений с жертвой мошенничества отсутствует обман (ложь, неправда, введение в заблуждение, нарушение обещания)? Ответом может послужить справедливое замечание профессора А. Кибальника о том, что смысл мошеннического злоупотребления доверием, в конечном итоге сводится к обману, но этот обман обладает определенной спецификой. Характеристика употребления «во зло» доверием со стороны потерпевшего лица посредством использования близости личных отношений либо «авторитетности» служебных отношений обладает высокой степенью правовой неопределенности (эти обстоятельства весьма расплывчаты и не могут быть универсальным мериллом характера доверия, которым злоупотребляет виновный)⁶.

С другой стороны, отсутствие убеждения владельца (уполномоченного им лица) в наличии законных оснований у «контрагента» на получение передаваемой им вещи (права) объективно исключает наличие признаков

⁶ Кибальник, А. Квалификация мошенничества в новом Постановлении Пленума Верховного Суда РФ [Текст] / А. Кибальник // Уголовное право. - 2018. - № 1. - С. 62.

мошенничества. Тем самым есть все основания говорить о возникновении доверительных отношений между сторонами во всех случаях, когда обман достиг своей цели⁷. Кроме того, в правоприменительной деятельности при определении способа совершения мошенничества приоритетная роль отводится обману, который лежит в основе действий виновного по введению в заблуждение потерпевшего. Например, судом в мотивировочной части апелляционного определения было указано, что «между злоупотреблением доверием и обманом не существует принципиального различия»⁸.

В то же время трудно согласиться с правоведами, утверждающими, что обман и злоупотребление доверием являются самостоятельными способами мошенничества. Ссылаясь на понятие «доверие», что это вера в честность, искренность, добропорядочность, хорошие намерения другого человека, делается вывод: «при использовании доверительных отношений для изъятия денежных средств у потерпевшего в свою собственность мошеннику не требуется применять обман. В данном случае достаточно только злоупотребление доверием»⁹. С точки зрения психологии поведения человека, очевидно, что в результате потери веры потерпевшего в честность лица, виновного в мошенничестве, заложено предательство доверительных отношений, связанных с обманом.

Проведенный анализ вышеуказанных позиций позволяет сделать вывод, что доверительные отношения, связанные со служебным положением лица либо его личными отношениями с потерпевшим, используются как обстоятельство, создающее объективные условия при которых совершается обман. В данном случае данное «обстоятельство» не является альтернативным способом хищения, предусмотренного ст. 159 УК РФ. Его,

⁷ Шергин Р. Сложности квалификации мошенничества [Текст] / Р. Шергин // Законность. - 2018. - № 8. - С. 58.

⁸ Приговор Усольского городского суда Иркутской области по уголовному делу № 1-30/2013 [Электронный ресурс] - Режим доступа: <http://usolsky.irk.sudrf.ru>, свободный.

⁹ Бельский, А. И., Ягодин Р. С. Уголовно-правовая характеристика мошенничества, совершаемого с использованием банковских карт Сбербанка России посредством услуги «Мобильный банк» [Текст] / А.И. Бельский, Р. С. Ягодин // Российский следователь. - 2018. - № 5. - С. 32-33.

например, можно считать специфичным приемом объективной стороны мошенничества, направленным на облегчение обмана лица, находящегося в доверительных отношениях с виновным.

Таким образом, для единого правового понимания и обоснованной квалификации мошенничества следует, по мнению авторов, в диспозиции ч. 1 ст. 159 УК РФ оставить один способ хищения чужого имущества - обман, и дать соответствующее разъяснение этого признака в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ. Например, обман как способ совершения хищения или приобретения права на чужое имущество может состоять в сознательном сообщении (представлении) заведомо ложных, не соответствующих действительности сведений, либо в умолчании об истинных фактах, либо в умышленных действиях, направленных на введение владельца имущества или иного лица в заблуждение, а также в злоупотреблении доверием. Там же представить трактовку злоупотребления доверием как намерения не исполнять договорные обязательства, целью которого является обращение чужого имущества в свою пользу или пользу третьих лиц либо незаконное получение права на такое имущество¹⁰.

Обращает на себя внимание и тот факт, что у мошенничества не может быть признаков, которых нет в легальном определении хищения, представленным в примечании 1 к ст. 159 УК РФ¹¹. Например, в п. 26 ППВС от 2017 г. № 48 сказано: «при решении вопроса о виновности лиц в совершении мошенничества ... суды должны иметь в виду, обязательным признаком хищения является наличие у лица корыстной цели, то есть стремления изъять и (или) обратить чужое имущество в свою пользу либо распорядиться указанным имуществом как своим собственным, в том числе путем передачи его в обладание других лиц, круг которых не ограничен».

¹⁰ Кибальник, А. Квалификация мошенничества в новом Постановлении Пленума Верховного Суда РФ [Текст] / А. Кибальник // Уголовное право. - 2018. - № 1. - С. 63.

¹¹ Кочои, С. Нормы УК РФ о мошенничестве: проблемы применения и способы их разрешения [Текст] / С. Кочои // Уголовное право. - 2015 - № 5. - С. 63.

В примечании 1 к ст. 159 УК РФ говорится об изъятии и (или) обращении чужого имущества в пользу виновного или других лиц. Сравнение указывает на противоречие, где, в частности, цель мошенничества: распорядиться указанным имуществом как своим собственным, отличается от цели понятия хищения: обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц. Вместе с тем передача данного имущества «в обладание других лиц» не равнозначна его передаче «в пользу других лиц». Поэтому, по справедливому замечанию С. Кочои, вышеприведенные разъяснения ППВС нуждаются в уточнении¹².

Данные разночтения, прежде всего, связаны с тем, что законодатель не дал четкого определения (понимания) корыстной цели, как признака субъективной стороны состава преступления. Это обстоятельство является причиной того, что в настоящее время существует правовая неопределенность в понимании корыстной цели как конструктивного признака хищения, вследствие чего судьи зачастую вынуждены принимать решение о наличии или отсутствии в действиях лица состава хищения основываясь не на четких предписаниях закона, а на основе своих личных представлений о корыстной цели или даже интуитивно¹³.

В теории уголовного права существует три подхода к пониманию корыстной цели: узкий, когда под корыстью понимается стремление личного обогащения; усеченный - извлечение материальных выгод лично для виновного, близких ему лиц либо соучастников хищения; широкий - стремление виновного противоправным путем получить реальную возможность владеть, пользоваться и распоряжаться чужим имуществом как своим собственным, а равно незаконно извлечь иные выгоды имущественного характера для себя или других лиц. На практике

¹² Кочои, С. Нормы УК РФ о мошенничестве: проблемы применения и способы их разрешения [Текст] / С. Кочои // Уголовное право. - 2015 - № 5. - С. 63.

¹³ Архипов, А. Корыстная цель как признак хищения [Текст] / А. Архипов // Уголовное право. - 2016. - № 1. - С. 7.

применяется узкий подход, а с усеченным подходом иногда возникают сложности¹⁴.

Принятое разъяснение ППВС от 2017 г. № 48 в вышеуказанном п. 26 указывает на применение широкого понимания корыстной цели, указывая на неограниченный круг иных лиц. Однако широкий подход, во-первых, фактически нивелирует корыстную цель как признак состава преступления, поскольку любое стремление распорядиться имуществом как своим собственным можно уже приравнять к корыстной цели; во-вторых, оставляет открытым вопрос о том, может ли изъятие и обращение имущества в пользу других лиц вообще когда-либо признаваться совершенным без корыстной цели¹⁵. Об этом свидетельствуют и исследования, в которых было установлено, что в 79,3% мошенничеств похищаемое имущество обращалось непосредственно в пользу виновного. В 19,4% мошенничеств имущество обращалось виновным в пользу посторонних лиц, но виновный при этом извлекал личную материальную выгоду¹⁶.

Интересным в данном случае является мнение правоведов, что корректнее было бы определить корыстную цель как стремление обогатить соучастников, близких родственников близких лиц, а равно иных лиц, в обогащении которых виновный по каким-либо личным причинам заинтересован (например, с которыми виновный находится предпринимательских или иных имущественных отношениях непосредственных руководителей, сотрудников контролирующих и надзирающих органов)¹⁷.

¹⁴ Петров С. А. Корыстная цель в хищениях [Электронный ресурс] / С. А. Петров - Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

¹⁵ Есаков, Г. Корыстная цель в хищении и новое постановление пленума о судебной практике по делам о мошенничестве [Текст] / Г. Есаков // Уголовное право. - 018. - № 1. - С. 51.

¹⁶ Петров, С. А. Хищение чужого имущества или приобретение права на него путем обмана: уголовно-правовая оценка и совершенствование правовой регламентации: дис. ... канд. юрид. наук. [Текст] / С. А. Петров. - Калининград, 2015. - С. 146.

¹⁷ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и

Вместе с тем в уголовном законе нет единого подхода к определению корысти, связанного с совершением общественно-опасного деяния. Законодатель представил данное определение в следующих вариантах: из корыстных побуждений (п. «з» ч. 2 ст. 105, 126, 206, ст. 153-155); корыстная цель в хищениях; из корыстной заинтересованности (ч. 1 ст. 181, ч. 3 ст. 183, ч. 1 ст. 285, 285.4, 292, ч. 3 ст. 299). Из ППВС следует, что убийство из корыстных побуждений - это убийство, совершенное в целях получения материальной выгоды для виновного или других лиц или избавления от материальных затрат (п. 11)¹⁸. Под корыстной заинтересованностью понимается стремление должностного лица путем совершения неправомерных действий получить для себя или других лиц выгоду имущественного характера (п. 16)¹⁹.

Данные разъяснения указывают на то, что в основе указанных «побуждений» и «заинтересованности» лежит доминирующий корыстный мотив (внутреннее побуждение к обогащению), как обязательный субъективный признак состава преступления. Общеизвестно, что мотив и цель посягательства неразрывно объединены и взаимно обусловлены (мотив характеризуется потребностью преступления, а цель свидетельствует о направленности действий). Поэтому в мошенничестве и других формах хищениях заложен корыстный мотив, а не цель. Именно этот мотив побуждает противоправно получить материальную выгоду и это становится причиной хищения, связанного с его целью - завладеть чужим имуществом.

Таким образом, следует внести изменения в понятие хищение (п. 1 примечания к ст. 158 УК РФ), направленные на замену слов «корыстной

о превышении должностных полномочий» // Правовая справочно-информационная система «Гарант».

¹⁸ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» (в ред. от 03.03.2015) // Правовая справочно-информационная система «Гарант».

¹⁹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» // Правовая справочно-информационная система «Гарант».

целью» на «корыстным побуждением». С учетом толкования корысти как мотива преступления, а также для корректного содержательного понимания корысти при совершении мошенничества путем передачи похищенного имущества в обладание других лиц, круг которых не ограничен, необходимо дать соответствующее разъяснение в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате».

В заключение следует отметить, что мошенничество остается наиболее распространенным преступлением против собственности. Анализ судебно-следственной практики указывает на серьезные проблемы, связанные с квалификацией данного общественно-опасного деяния. В настоящей работе мы обратили внимание только на некоторые актуальные вопросы квалификации объективной и субъективной стороны мошенничества, требующих своего решения, как на законодательном уровне, так и в разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ.

Мошенничество в сфере страхования — это хищение чужого имущества путем обмана относительно наступления страхового случая, а равно размера страхового возмещения, подлежащего выплате в соответствии с законом либо договором страхователю или иному лицу²⁰.

Как видно из законодательного определения, диспозиция данной нормы бланкетная, поэтому необходимо обратиться к Закону РФ «Об организации страхового дела в Российской Федерации» от 27 ноября 1992 г. № 4015-11.

В соответствии с п. 2 ст. 9 Закона «Об организации страхового дела в РФ»²¹ страховой случай — это совершившееся событие, предусмотренное договором страхования или законом, с наступлением которого возникает

²⁰ Батюкова В.Е. Уголовная ответственность за мошенничество в сфере страхования // Закон и право. – 2019. - № 1. – С. 85-87.

²¹ Закон РФ «Об организации страхового дела в Российской Федерации» от 27.11.1992 г. № 4015-1 (ред. от 03.08.2018 г.) // СПС «Консультант Плюс». – 2019.

обязанность страховщика произвести страховую выплату страхователю, застрахованному лицу, выгодоприобретателю или иным третьим лицам.

Согласно п. 3 ст. 10 вышеуказанного Закона страховое возмещение (страховая выплата) — денежная сумма, которая выплачивается страховщиком страхователю, застрахованному лицу, выгодоприобретателю при наступлении страхового случая и определяется по закону или договору страхования.

Рассмотрим наиболее распространенные способы совершения мошенничества в сфере страхования.

Если субъектом данного преступления выступают страховщики в лице сотрудников страховых организаций, то могут иметь место следующие деяния:

а) незаконные действия при оформлении страхового полиса (искажение либо умолчание об условиях / параметрах договора, которые влияют на итоговую выплату; продажа страховых полисов лицами, которые не имеют для этого необходимого разрешения, либо продажа полисов от имени страховых организаций, деятельность которых уже была прекращена);

б) хищение денежных средств у лица, обратившегося в страховую организацию, в качестве «платы» за какую-либо услугу;

в) создание «фирм-однодневок», которые выплачивают страховые выплаты для постоянного роста привлекаемых клиентов: накопив достаточное количество средств, такая фирма юридически перестает существовать.

Если субъектом преступления является страхователь, то возможны следующие способы совершения мошенничества в сфере страхования:

а) преднамеренное завышение стоимости страхуемого объекта для получения более высокой выплаты при наступлении страхового случая;

б) повторное страхование, т.е. страхование одного и того же объекта в нескольких страховых организациях;

в) инсценировка страховых случаев (чаще всего встречается в сфере страхования имущества, ипотечного страхования и автострахования);

г) обращение в страховую организацию для заключения договора страхования после наступления «страхового» случая²².

Самый распространенный вид мошенничества в сфере страхования — мошенничество в сфере автострахования.

Чаще всего обман как способ данного вида мошенничества выражается в следующем:

а) инсценировка дорожно-транспортного происшествия или угона автомобиля и незаконное получение выплаты по КАСКО или заключение договора страхования после совершившегося ДТП / угона автомобиля;

б) покупка поддельных / утерянных / недействительных страховых полисов;

в) сговор с сотрудниками автосервиса (передача в страховую организацию завышенных сведений о стоимости ремонта и комплектующих)²³.

В качестве примера можно привести уголовное дело 1-8/2017 (1-180/2016;), рассмотренное Ленинским районным судом г. Самары в отношении А.А. Тюльпенева.

Суть дела заключалась в следующем.

А. А. Тюльпениев вступил в преступный сговор с А.М. Фофоновым, управлявшим автомобилем ГАЗ 1724, имеющим повреждения. Они договорились совместно совершить хищение денежных средств в виде страховой выплаты, распределив между собой преступные роли. Осуществляя свой преступный умысел, действуя незаконно, с целью безвозмездного изъятия и обращения в свою пользу чужого имущества — денежных средств в виде страховой выплаты, согласно ранее разработанному

²² Маслов В.А. К вопросу об объекте и предмете мошенничества в сфере страхования // Вестник Томского гос. ун-та. 2015. № 396. С. 136—140.

²³ Кадников Б.Н. К вопросу об ответственности за мошенничества в сфере страхования // Общество и право. - 2017. - № 3 (61). - С. 40—45.

плану, находясь на проезжей части, А.А. Тюльпeneв и А.М. Фофонов совершили инсценировку дорожно-транспортного происшествия с участием автомобилей Nissan Qashqai и ГАЗ 1724.

Затем в целях придания своим действиям законного характера и сокрытия совершенного преступления, действуя совместно, они вызвали аварийного (дорожного) комиссара, не подозревавшего о преступных намерениях данных лиц.

Аварийный (дорожный) комиссар оказал им помощь в фиксации инсценированного ими дорожно-транспортного происшествия.

Таким образом, А.А. Тюльпeneв, действуя в составе группы лиц, по предварительному сговору совместно с А.М. Фофоновым умышленно и искусственно создал фиктивный страховой случай.

После этого А. А. Тюльпeneв, действуя из корыстных побуждений, согласно отведенной ему роли, во исполнение совместного преступного умысла, путем обмана относительно наступления страхового случая, находясь в региональном центре урегулирования убытков филиала ПАО СК «Росгосстрах», обратился с заявлением о получении страховой выплаты.

В итоге А.А. Тюльпeneв намеревался завладеть денежными средствами в сумме 257 400 руб. и причинить тем самым филиалу ПАО СК «Росгосстрах» материальный ущерб на указанную выше сумму. Однако по результатам проверки сотрудниками филиала ПАО СК «Росгосстрах» было принято решение об отказе в выплате страхового возмещения.

Выплата не была произведена по независящим от А.А. Тюльпeneва и А.М. Фофонова обстоятельствам, в связи с чем преступление не было доведено до конца, так как было пресечено сотрудниками филиала ПАО СК «Росгосстрах».

А.А. Тюльпeneв был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, ч. 2 ст. 159.5 УК РФ; ему было назначено наказание в виде одного года лишения свободы без ограничения свободы. На

основании ст. 73 УК РФ назначенное наказание суд считает условным с испытательным сроком один год.

Можно ли в данном случае говорить о соразмерности наказания и совершенного преступного деяния характеру и степени общественной опасности?

Действительно, суд назначил наказание в пределах санкции уголовно-правовой нормы с учетом неоконченного преступления; но, назначая наказание, на наш взгляд, надо помнить, что законодатель это преступление относит к категории средней тяжести.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

С принятием УК 1996 года процесс совершенствования законодательного определения мошенничества получил дальнейшее развитие. Законодатель вновь обращается к понятию мошенничества и определяет его как «хищение чужого имущества или приобретенные права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием» (ст. 159). Как видно, в новом уголовном законе различают две разновидности (формы) мошенничества, которые имеют различную правовую характеристику: (1) хищение чужого имущества путем обмана или злоупотребления доверием и (2) приобретение права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием.

Можно ли считать завершенным процесс совершенствования уголовно-правовой нормы о мошенничестве? Думается, что нет. Становление и развитие рыночного хозяйства в современной России обуславливают рост и многообразие видов обмана в имущественной сфере. Указанное обстоятельство есть не что иное, как криминогенная закономерность функционирования рынка. Отличительными особенностями рыночной экономики являются товарное производство и обращение, многообразие форм собственности и их равенство, свобода экономической деятельности. Отсюда рынок – это прежде всего обман, взаимная передача участниками экономических отношений прав собственности, иных имущественных прав и выгод. Становление и развитие рыночных отношений сопровождается не только высоким ростом, но и распространением в обществе новых видов и форм обманов в имущественной сфере.

Современные процессы, связанные со становлением в России рыночных отношений, давно нуждаются в надежной защите, обеспечить которую может новая система норм об имущественных преступлениях, совершаемых путем обмана. Усиление уголовно-правового регулирования

имущественных отношений – одно из основных направлений правового обеспечения рынка, складывающегося в современной России.

Первые уголовные кодексы советского периода не выделяли мошенничество в банковской сфере в отдельную статью, скорее всего, это было связано с отсутствием возможности получать кредиты. Однако общее понятие мошенничества они содержали и относили его к хищению чужого имущества путем обмана или злоупотреблением доверием в целях получения имущества или права на имущество или иных личных выгод. Частных банков в советский период не было, в этой связи мошенничество в банковской сфере было ограничено и касалось преимущественно дел, связанных с личными вкладами физических лиц, которые размещались, как правило, в сберегательных кассах.

Рассмотрены основные направления уголовно-правовой теории 1930—50-х годов, отражающие различные точки зрения на содержательные аспекты мошеннического обмана. Отсутствие законодательного определения обмана и разнообразие трактовок вызывало определенные затруднения в правоприменительной практике.

Проанализированы законодательные определения «мошенничество» и «хищение», формулировка которых допускает неоднозначные трактовки. Сделан вывод о том, что терминологическая несогласованность и отсутствие законодательного определения понятия «обман» порождают проблемы, связанные с квалификацией мошенничества.

По мнению большинства специалистов, предметом преступления признается вещь материального мира, на которую непосредственно воздействует преступник, осуществляя преступное посягательство на объект, в связи с чем представляется правильной позиция Л.Д. Гаухмана и С.В. Максимова, считающих, что "в такой разновидности мошенничества, как приобретение права на имущество, предмет отсутствует".

В теории уголовного права выработаны разные определения мошеннического обмана. В действующем уголовном законе такое

определение отсутствует. Оно содержалось в примечании к ст.187 УК РСФСР 1922 года. По нашему мнению, такое определение необходимо включить в действующий УК РФ 1996 г., изложив его в примечании к ст. 159, где предусмотреть, что под мошенническим обманом следует понимать искажение истины или умолчание о ней, приведшие к введению другого лица в заблуждение относительно нее.

Отметим, что ст. 159 УК РФ с позиции учета содержания отдельных признаков состава преступления там, где это необходимо, сформулирована не совсем удачно. С одной стороны, мошенничество, связанное с хищением чужого имущества, имеет свой предмет преступления - имущество. С другой стороны, мошенничество, под которым понимается приобретение права на чужое имущество, подобного собственного предмета преступления не имеет.

Особо следует предусмотреть ответственность за разновидность обманов, совершаемых с целью неисполнения имущественных обязательств, избавления от материальных затрат, сбережения собственного имущества за счет другого лица.

С выходом УК РФ 1996 г. завершилось уголовно-правовое регулирование ответственности за мошенничество. Вместе с тем эффективная борьба с мошенничеством возможна лишь при решении следующих условий:

Создания теоретических разработок по вопросам борьбы с мошенничеством, издания учебных и методических пособий по пресечению и предотвращению преступных посягательств на основе изучения и обобщения отечественного и зарубежного опыта.

Подготовки и переподготовки в образовательных учреждениях системы МВД России специалистов, способных успешно действовать в условиях рыночной экономики.

Проведения виктимологической профилактики с созданием «информационного банка», в котором хранились бы все данные о виктимном поведении потерпевших от мошенничества на основе статистических форм

ГИЦ МВД РФ, карточек первичного учета, приговоров судов.

Обсуждение и принятие данных предложений будет способствовать как более точному отражению в уголовном законодательстве степени общественной опасности названных деяний, так и законному и обоснованному применению уголовно-правовых норм в правоприменительной практике.

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Конституция РФ. – М.: Новая волна, 2014. – 64 с.
2. Уголовный кодекс РФ от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 23.04.2019) // СЗ РФ. – 1996. - № 25. – Ст. 2954.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2007 № 51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // Российская газета. — 2008. — № 4.
4. Кассационное определение Московского городского суда от 3 ноября 2010 г. № 22-14044 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». – 2019 (дата обращения: 12.03.2019).
5. Балашова, Н.А. Особенности квалификации мошенничества с использованием служебного положения // Вестник Уральского ун-та. - 2018. - № 1. - С. 22—23.
6. Безверхов, А.Г. Некоторые вопросы квалификации мошенничества // Уголовное право. – 2008. - №2. – С. 4-7.
7. Безверхов, А. Развитие понятия мошенничества в отечественном праве // Уголовное право. – 2001. - № 4. – С. 9-12.
8. Безверхов, А.Г. Современные проблемы противодействия мошенничеству: уголовно-политический и правовой аспекты: Материалы VII международной научно-практической конференции «Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики» // Актуальные проблемы юридической науки. Часть II. – Тольятти: Волжский университет им. В.Н. Татищева, 2010. - С. 37-44.
9. Белогриц-Котляревский, Л.С. Учебник русского уголовного права. Общая и особенная части. — К., 1903. – 500 с.
10. Борзенков, Г.Н. Ответственность за мошенничество. — М., 1971. – 312 с.
11. Бойко, С.Я. Мошенничество в уголовном законодательстве советского периода // Пробелы в российском законодательстве. Юридический

- журнал. – 2016. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/moshennichestvo-v-ugolovnom-zakonodatelstve-sovetskogo-perioda> (дата обращения: 10.04.2019).
12. Боровских, Р.Н., Зыков Д.А. Мошенничество в сфере страхования: квалифицирующие и особо квалифицирующие признаки // Вестник Владимирского юрид. инта. - 2016. - № 4 (41). - С. 58. С. 56—62.
13. Брайнин, Я.М. Советское уголовное право. Вып. 2. — К., 1953.- 342 с.
14. Гасанов, А.К., Щербаченко, А.К., Бохан, А.П. Разграничение мошенничества в сфере страхования автотранспортных средств от смежных составов преступлений // Юристы - Правоведъ. – 2016. - № 3. – С. 74-80.
15. Гернет, М.Н. Имущественные преступления. — М., 1925. – 212 с.
16. Гончаров, Д.Ю., Гончарова С.Г. Квалификация мошенничества, совершенного с использованием служебного положения // Вестник ВГУ. Сер.: Право. - 2016. - № 3. - С. 283-288.
17. Егоров, В. А. Особенности квалификации мошенничества, совершенного с использованием компьютерных средств и телекоммуникационных технологий [Электронный ресурс] // Научно-методический электронный журнал «Концепт». -2018. - № 01 (январь). - 0,5 п. л. - URL: <http://e-koncept.ru/2018/183004.htm> (дата обращения: 02.05.2019).
18. Жижиленко, А.А. Имущественные преступления. — Л., 1925. – 122 с.
19. Жижиленко, А.А. Преступления против имущества и исключительных прав. — Л., 1928. – 234 с.
20. Иногамова-Хегай, Л.В. Служебные преступления как единичные деяния и как множественность преступлений // Общество и право. - 2017. - № 1 (59). - С. 20-25.
21. Исаев, М.М. Преступления против социалистической и личной собственности. — М., 1945. – 118 с.
22. Исаев, М.М. Уголовное право. Особенная часть. — М., 1938. – 348 с.

23. Козерод, Д.Н. Проблемы законодательного оформления мошенничества в Уголовном кодексе РСФСР 1922 года [Электронный ресурс] // Современное право. – 2011. Режим доступа: <http://naukarus.com/moshennichestvo-v-sovremennom-ugolovnom-prave-problemy-kvalifikatsii-i-zakonodatelnogo-oformleniya> (дата обращения: 10.04.2019).
24. Козерод, Д.Н. Содержание мошеннического обмана в уголовно-правовой теории 1930—50-х годов [Электронный ресурс] // Современное право. – 2011. Режим доступа: <http://naukarus.com/soderzhanie-moshennicheskogo-obmana-v-ugolovno-pravovoy-teorii-1930-50-h-godov> (дата обращения: 10.04.2019).
25. Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР. — М., 1992. – 348 с.
26. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. - Ростов-на-Дону, 2016. – 456 с.
27. Константинов, В.В. Обман есть, а мошенничества нет (о некоторых особенностях мошенничества) // Российский следователь. – 2008. - № 15. – С. 7.
28. Лимонов, В.Н. Понятие мошенничества // Законность. – 1997. – 11. – С. 40-42.
29. Кригер, Г.А. Борьба с хищениями социалистического имущества. — М., 1965. – 222 с.
30. Кригер, Г.А. Ответственность за хищение государственного имущества по советскому уголовному праву. — М., 1957. – 234 с.
31. Мендельсон, Г.А. Ответственность по советскому уголовному праву за мошеннические посягательства на социалистическую и личную собственность. — М., 1953. – 212 с.
32. Никифоров, Б.С. Уголовно-правовая охрана личной собственности в СССР. — М., 1954. – 262 с.

33. Пойманова, Л.А. Мошенничество в банковской сфере: понятие, признаки, виды // Сибирский юридический вестник. – 2018. - № 10. – С. 78-80.
34. Сабитов, Р.А. Понятие и признаки криминального обмана // Уголовное право. — 2015. — № 5. — С. 86 — 89.
35. Селивановская, И.А. Уголовный кодекс РСФСР 1922 года: правовые аспекты [Электронный ресурс] // Историческое обозрение. – 2009. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovnyy-kodeks-rsfsr-1922-goda-pravovye-aspekty> (дата обращения: 10.04.2019).
36. Тюнин, В.И. Некоторые вопросы толкования и применения норм о специальных видах мошенничества // Уголовное право. — 2015. — № 5. — С. 116 — 126.
37. Тюнин, В.И. Преступления экономические в Уголовном уложении 1903 года // Журнал российского права. - 2000. - № 4. - С. 168-171.
38. Тюнин, В.И. Экономические преступления в системе дореволюционного уголовного права (эволюция научных представлений) // Государство и право. - 2000. - № 11. - С. 73 – 80.
39. Уголовное право России. Особенная часть / Под ред. Б.В. Здравомыслова. — М., 2000. – 462 с.
40. Уголовное право России. Часть Особенная / Под ред. Л.Л. Кругликова. — М., 2004. – 456 с.
41. Уголовное право России. Особенная часть / Под ред. А.И. Рарога. — М., 2000. – 398 с.
42. Уголовный кодекс. Практический комментарий / Под ред. М.Н. Гернета, А.Н. Трайнина. — М., 1929. – 346 с.
43. Фойницкий, И.Я. Мошенничество по русскому праву: В 2 ч. Ч. 2. — М., 2006. – 124 с.
44. Хилюта, В.В. Идентификация признаков мошенничества, присвоения и растраты в судебной практике // Уголовное право. — 2015. — № 5. — С. 127 — 130.

45. Червонецкий, Д.А. Мошенничество по уголовному уложению. — Юрьев, 1906. — 232 с.
46. Шагапов, И.Р. Мошенничество: проблемы применения законодательства [Электронный ресурс] // Молодой ученый. — 2016. — №7. — С. 538-540. — URL <https://moluch.ru/archive/111/27628/> (дата обращения: 25.04.2019).
47. Шаргородский, М. Мошенничество в СССР и на Западе. — Харьков, 1927. 188 с.